18+
Майя Сварга
Болото вечной жизни
I

Майя Сварга

Болото вечной жизни. I часть

«Издательские решения»

Сварга М.

Болото вечной жизни. I часть / М. Сварга — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-938073-9

Где-то в лесах, окружающих Великий Новгород, существовало древнее болото, на протяжении многих веков с непреодолимой силой тянувшее к себе живых, и сложно было устоять перед его зовом. Сколько бы это продолжалось — неведомо, но однажды… Книга во многом основана на реальных событиях.

ISBN 978-5-44-938073-9

© Сварга М.
© Издательские решения

Содержание

Первая часть 6
Пролог 9
Глава 1 23
Глава 2 40
Глава 3 54
Глава 4 68
Конец ознакомительного фрагмента. 71

Болото вечной жизни
I часть

Майя Сварга

Иллюстратор Майя Сварга

© Майя Сварга, 2018
© Майя Сварга, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4493-8073-9 (т. 1)
ISBN 978-5-4493-8074-6
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Первая часть

…твоё солнце поднимется из мутных болот…
Карл Густав Юнг
«Liber Novus»

Как в дремучем лесу
Болото Змеиное
А в болоте том
Мертвец во гробе лежит
Во гробе лежит
Да гроб тот каждую ночь грызёт
Хочет на свет Божий выйти
А как выйдет на свет Божий
Всем смерть прийдёт
Так и в тебе, раб Божий…
Чтобы мертвец лежал
Мертвец лежал да грыз тебя
Мясо твоё грыз, кости глодал
Кровь твою пил, на свет Божий выходил
А как выйдет он
Тебе смерть прийдёт
И лежать тебе раб Божий…
В дремучем лесу, в болоте глубоком
День-деньской и без выхода.
Во веки вечные.

1752г

Документ из архива Института Истории России.
*Место обнаружения: Новгородская область, деревня В***, около Проклятого болота.*
*28.10.20** выдан на руки студенту первого курса Егору Н***.*

Ночь опустилась на Священную гору, и дневной жар исчез, алчно втянутый в недра дикой каменистой пустыни, вот уже которое тысячелетие собирающей каждую крупицу тепла, но никак не могущей согреться. Усеянное неправдоподобно яркими звёздами небо изогнулось над горой, краями своими касаясь дальних хребтов, и в его слабом призрачном свете какой-нибудь случайный прохожий мог бы разглядеть двух сидящих на камнях людей, по всей видимости, ведущих беседу. Но не могло быть на Священной горе случайных прохожих, тем более ночью, а любой человек, оказавшийся на ней вынужденно, увидев тех двоих, бежал бы от них в беспамятстве, приняв их за демонов ночной пустыни. Но он бы ошибся. Как минимум один из сидящих там был обитателем этой местности, и он внимательно слушал другого, подавшись к нему всем телом.

– Есть одна вещь, Осарсиф, которую я должен тебе сказать, а ты обязан отнестись к ней со всей серьёзностью. Я уже передал почти всё, что тебе необходимо было знать, а это последнее, но, возможно, самое важное из всего. Запомни – твой Бог не лжёт, но ты – не Он,

и не можешь себе этого позволить. Под твоим началом будет великий народ, сила которого, при покровительстве вашего Бога, будет только возрастать, и тебе безо лжи не обойтись.

– Но это же грех перед Ним, – отозвался Осарсиф, напряжённо глядя на собеседника.

– Бог простит тебе этот грех, ведущий к процветанию твоего народа, если ты не идёшь против Его воли и не станешь лгать Ему – *этого* Он тебе не простит и уничтожит тебя. И ещё, Осарсиф, я уже говорил тебе, что ты обязан найти второго, и я скажу больше – сделай это уже утром. Он вспыльчив, твой Бог, и ненадёжен – ты не будешь никогда испытывать уверенности, что не вызвал на себя Его гнев, поэтому ты должен иметь уверенность, что род первосвященников не прервётся с твоей смертью.

– Как я объясню это людям, ведь никогда ранее пророк не избирал себе помощника?

Собеседник усмехнулся.

– Скажешь, что косноязычен, – легко предложил он, – и тебе необходим толмач.

Покачав головой, Осарсиф возразил:

– Кто поверит этому? Любой, кто знает меня, а знают меня очень многие, с лёгкостью опровергнет эти слова.

– Что тебе с того? Скажешь, что общение с Богом повлияло на твой язык, а вообще это не важно, что ты придумаешь для объяснения, да и придумаешь ли что-нибудь.

Наступило молчание, и люди, слившись с ночью, на какое-то время стали неподвижной частью этой древней пустыни. Поднимающаяся луна провела по земле резкие чёрные и белые полосы, разделив мир на части, и вскоре из тьмы за валуном на лунный свет выбежал скорпион. Постояв немного без движения, он двинулся вперёд, направляясь куда-то по своим делам. Движение это привлекло внимание Осарсифа, и он, с детства не выносивший скорпионов, вздрогнул, с опаской следя за проползающим мимо маленьким существом. Дрожь испуга сменилась дрожью холода, заставив его поплотнее закутаться в овечью шкуру, и Осарсиф с недоумением посмотрел на обнажённые, покрытые многочисленными тонкими шрамами руки сидящего напротив него человека.

– Я ведь даже не знаю твоего имени, – заговорил он вполголоса, пристально вглядываясь в лицо своего собеседника, чётко различимое на фоне уже высоко поднявшейся над горизонтом луны.

– У меня его нет, оно стало лишним для меня, – отозвался тот.

– Но откуда ты – черты твоего лица не имеют сходства ни с одним из известных мне народов, а я, поверь мне, знаю их немало.

– У меня нет родины, она также стала лишней для меня.

Осарсиф сжал посох и глухо спросил, уже не вглядываясь в лицо собеседника, а опустив глаза и не отрывая их от земли:

– Кто же ты тогда? Человек ли ты вообще?

Со странной улыбкой глядя поверх головы Осарсифа, собеседник ответил:

– Это слово тоже стало для меня лишним.

С чёрного неба сорвалась звезда и, стремительно промчавшись, исчезла за горным хребтом на севере. И словно это падение послужило знаком, неизвестный поднялся с камня и сказал:

– Что ж, Осарсиф, теперь ты знаешь всё, что ты должен был знать, и я ухожу. Ты больше не увидишь меня и отныне ты вождь своего народа, и твой Бог стоит за тобой. Делай то, что он говорит тебе, и ты проживёшь долго, и народ твой освободится от рабства и станет великим. Прощай, Осарсиф, – и, не дожидаясь ответа, он ушёл, и очень скоро ночь скрыла его.

– Ты пришёл, Месодиос, – с удовлетворением сказала женщина, сидящая в окружении небольшой группы людей, – это хорошо, что так скоро, ибо мы должны торопиться.

– Неужели ты нашла ещё одного, Анакситиос?! Это редкостная удача – два за такое короткое время.

– Да, но он слишком слаб и слишком далеко отсюда, мы можем опоздать, и его не станет раньше, чем мы доберёмся до него.

– Ты не ошибаешься? Никто из них ранее не был слаб.

– Он слишком далеко отсюда, – повторила женщина негромко и уверенно, – но я видела точно – он один из тех, в ком есть свет.

– Раз ты так говоришь, значит, так оно и есть. Где именно находится он?

– У венедов.

– Ты права, Анакситиос, это далеко и времени у нас мало, так что стоит поторопиться.

Пролог

– Всё, меня достало, я иду покупать лотерейный билет! – Юля ворвалась, не постучавшись, в комнату к Марине, из-за чего та в испуге выронила журнал. – Я больше не могу, ты посмотри, – она подтащила сестру к окну, – посмотри на улицу!

А улица, через край заполненная солнечным светом, была чудо как хороша в этот день начала апреля. Весна не стала смотреть на календарь и началась ещё зимой, и сейчас пробуждающаяся жизнь уже была готова вырваться на волю. Всё замерло, как спринтер на старте, чуть дрожа от еле сдерживаемого напряжения. Это нетерпеливое ожидание было во всём: в кустарниках, вытянувшихся к Солнцу, ветви которых стали яркими, глянцевыми и упругими, в деревьях с набухшими почками, уже избавившихся от зимней спячки; в самом Солнце, которое сияло так неправдоподобно ярко после этой тяжёлой и мрачной зимы, что хотелось смотреть на него снова и снова, чтобы убедиться, что оно действительно есть и что оно на самом деле такое яркое и сияющее. И небо было самым чистым, голубым и высоким, какое только можно представить. И начавшие возвращаться птицы уже свистели, звенели, щебетали и ворковали повсюду, наполняя привыкший за зиму к тишине дворик ликующими звуками. Старинные дома, стоящие здесь одну, а кто и две сотни лет, казались сегодня совершенно новыми, только что вылупившимися на свет. Даже их обшарпанные, давно не крашеные стены предстали сейчас сделанными из радуги, и всё пронизывали солнечные лучи, настолько сконцентрированные, настолько плотные, что, казалось, ещё немного, и их можно будет схватить в охапку.

– Ты видишь всё это, – Юля раскинула руки, как бы стремясь обнять весь мир, – а ведь ещё и запахи – пахнет Солнцем, и соком деревьев, и нагретым асфальтом, и… и… и… Весной пахнет!!! Всё, всё бурлит жизнью, всё стремится на волю, вот, смотри, мать-и-мачеха, она уже выбралась из-под земли, а я как в ловушку поймана и застряла здесь, – и руки её бессильно повисли.

Марина удивлённо посмотрела на сестру:

– Какая муха тебя сегодня укусила? – спросила она, пытаясь понять, что же могло послужить причиной такого взрыва эмоций.

– Весенняя, – буркнула Юля, отвернувшись, но затем не выдержала и стремительно развернулась к сестре, схватив её за руки.

– Я очень люблю Центр, я очень люблю нашу квартиру, но я не могу больше жить здесь! – Она замолчала, пытаясь собраться и успокоиться, и вскоре заговорила снова, – я сейчас скажу тебе то, что ты и так знаешь, но прошу не перебивать, иначе я собьюсь и запутаюсь. Смотри – у нас прекрасная трёхкомнатная квартира в Центре – мечта очень многих, но нас-то уже пять человек. Ты любишь цветы, – Юля кивнула на журнал по цветоводству, что, выпав из рук Марины, так и остался лежать на полу, – наша квартира заставлена ими настолько, что стала похожа на джунгли. Но королевство маловато, развернуться негде – ты же мечтаешь о цветниках, о зимнем саде. Маша – ей всего год. Центр – прекрасное место, но жить здесь можно только вопреки, как и вообще в Москве. Андрей. Сколько раз вы с ним разговаривали, я же слышала, как было бы хорошо жарить шашлыки около своего дома, к тому же он помешан на рыбалке. Он также мечтает о доме. Егор хочет собственную комнату, и он прав – жить в коридоре никому не понравится. А я люблю леса, и поля, и реки, и чтобы не было стен и заборов, и свободу, и простор, а здесь вокруг стены и тюрьма. Мы здесь даже не можем завести собаку – с ней некуда идти. А заработать на то, что нам надо, мы не сможем и за всю нашу жизнь.

– Юль, я не понимаю, к чему ты завела этот разговор, ты же знаешь, мы не можем этого… – начала было говорить Марина, с тревогой глядя на сестру и поглаживая её по руке в попытке успокоить, но закончить фразу не смогла.

– А-а-а! – завопила Юля, перебив непрошеную утешительницу, – знаю я, что ты хочешь сказать – мы не можем продать квартиру, ведь в ней жили три поколения нашей семьи, а главное – если вдруг вернутся родители… – она бросила взгляд на фотографию, стоящую на столике около окна. На этом старом черно-белом снимке была изображена молодая пара, обнимающаяся, хохочущая, глядя в камеру. Их родители, двадцатилетние, вскоре после свадьбы. Они ещё не знают, что через 25 лет оставят своих, пока ещё не родившихся детей одних, уехав в очередную археологическую экспедицию и не вернувшись из неё. – Так вот, если вернутся наши родители, – Юля решительно заговорила снова, – они же сюда вернутся, если вообще вернутся, ведь так?

– Естественно, – ответила заинтригованная Марина, – как же они иначе нас найдут? И что ты предлагаешь?

– Так я же потому и пришла к тебе…

Марина насмешливо-снисходительно смотрела на возбуждённую сестру.

– Вообще-то не пришла, а ворвалась как тайфун, – перебила она Юлю, укоризненно уточнив, – что-то проорала, схватила, подтащила меня к окну, да ещё и лекцию о приходе весны прочитала.

– Ну да, – воскликнула Юля, – это так, только завопила я не что-то, а совершенно ясно сказала – я иду покупать лотерейный билет!

Марина искренне не расслышала первых слов сестры, ворвавшейся к ней в комнату, и сейчас испуганно охнула.

– Только не это! Ты, что действительно рассчитываешь выиграть дом? – воскликнула она, по опыту зная, если уж какая-то идея попадала сестре в голову, то выходила оттуда крайне неохотно, и в красках представила себе весь дом, заваленный этими билетами. К тому же ей совершенно не нравилось то, что она видела сейчас – в каком возбуждении, почти экзальтации, находилась Юля, и как поверила она в свою идею.

– А что такое? Ведь лотереи существуют и для того тоже, чтобы кто-нибудь мог выиграть, разве нет? – убеждающе заговорила Юля, взяв сестру за руку и глядя ей в глаза. – У нас что, есть другой вариант? Мы же не увешаны богатыми дядюшками, как Дуремар пиявками, и заработать мы столько не сможем. Я же их не украсть хочу, не ограбить, не убить кого-нибудь. Ну и почему же я не смогу выиграть в лотерею? – и она вопросительно подняла бровь.

Марина задумалась. В принципе, сестра была права и вероятность выигрыша существовала, но в вероятность выигрыша именно Юлей Марина не верила абсолютно. Пятилетняя привычка взяла своё, и она заявила:

– Это идиотская идея, так и знай. Ты ничего не добьёшься, только расстроишься. Я, конечно, не могу запретить тебе покупать их – ты уже взрослый человек, двадцать лет всё же, и сама зарабатываешь, но пойми – с каждой неудачей ты будешь всё больше и больше впадать в отчаяние…

– Ничего, впаду, – проворчала Юля, раздражённо поморщившись.

– … впадать в отчаяние, – не дала себя сбить Марина, – а вместе с тобой, глядя на тебя, и я, и Егор, и Андрей. Маша, уж на что маленькая, и то будет страдать.

Юля немного помолчала, размышляя – в какой-то степени Марина была права. В её рассуждениях есть рациональное зерно, но ведь не обязательно будет именно так. Марина напрочь отметала элемент удачи. Вот оно! Удача! Юля радостно и быстро заговорила:

– Ты, конечно, права, рисуя такую страшную картину, но не совсем. Давай договоримся. Я куплю один лотерейный билет, – на этих словах Марина нахмурилась, но Юля, не обращая внимания, продолжила, – но не просто так. Срок – неделя. За эти семь дней должно случиться что-нибудь, указывающее на какой-нибудь лотерейный билет. Просто так я покупать не буду. Будет знак – я билет куплю, нет… Ну, на нет и суда нет.

Марина внимательно смотрела на сестру, обхватив рукой подбородок и поглаживая губу. Она знала – Юля слово сдержит. Билет, конечно же, не выиграет, но, как по личному опыту знала Марина, лучше однократное разочарование, пусть и очень сильное, чем бесплодная, выматывающая надежда.

– Хорошо, – сказала она, – это отличная идея. Желаю тебе удачи, – добавила она искренне.

– Спасибо, – ответила Юля, – она мне понадобится. Ну что, в таком случае я собираюсь и иду на улицу.

– В каком это «в таком»? – удивилась Марина.

– А ты что, думаешь, он впорхнёт ко мне в окно, перевязанный бантиком? – не меньше сестры удивилась Юля. – Удачу надо ловить. И не сидя дома. «Тем более, весной» – добавила она про себя.

Юля развернулась и направилась к двери, но в этот момент некая мысль, пришедшая в голову к Марине, заставила её окликнуть сестру:

– Юль, постой, а с чего это ты так в последнее время загорелась лотерейными билетами? Они же тебя никогда не интересовали?

– Понимаешь ли, – нахмурившись и медленно, как-то неуверенно, ответила та, – ну да, не интересовали, но в последнее время они лезут отовсюду, куда ни плюнь. Беру книгу – говорится о них, включаю телевизор – опять они, иду по улице – какой-то мужик толкает меня и впечатывает лицом в киоск Союзпечать. Когда я пришла в себя от возмущения, поняла, что смотрю (ты не поверишь!) на лотерейные билеты, – Юля улыбнулась и пожала плечами, – ну, словом, лезут буквально отовсюду, как тараканы ночью на нашей кухне. Мне тут один даже приснился. Ну и, глупо, конечно, я подумала – в этом что-то есть. Чем чёрт не шутит, надо попробовать.

Марина только качала головой, слушая этот бред. Дослушав, она сказала:

– Ну, хорошо, иди, лови свою удачу. – А мысленно добавила: «Не свою, а нашу».

Юля наконец-то свободная, помчалась в прихожую и начала торопливо собираться, боясь, как бы что-нибудь ещё не задержало её дома. Её колотило от радостного возбуждения и предчувствия перемен, и любая задержка для неё была подобна пытке. Именно поэтому, вылетая на лестничную клетку и столкнувшись в дверях с вернувшимся из школы Егором, причём столкнувшись буквально – чуть не сбив его с ног, бросила, скользнув по нему отсутствующим взором: «А, привет» и убежала. Ошеломлённый, брат с минуту ещё стоял в дверях, глядя ей вслед и пытаясь прийти в себя и понять, а что, собственно, произошло? Так и не сообразив, растерянный до предела, он вошёл в квартиру. Потирая ушибленный локоть, Егор в полном недоумении размышлял, что же должно было случиться, чтобы сестра, с которой у него всегда были отличные отношения, повела себя подобным образом. Да, она проявляла иной раз некоторую импульсивность, но чтобы так, раскатать почти в лепёшку, не извиниться, не узнать, не пострадал ли он, буркнуть «а, привет» и удрать – невероятно!

Очевидно, что-то случилось, решил Егор и в испуге ринулся в комнату к Марине, по пути едва не снеся дверь. Марина, всё ещё улыбаясь и качая головой, с интересом посмотрела на брата

– Я правильно думаю – ты её уже видел? – понимающе усмехнулась она.

– Видел?!! Да она меня чуть не убила! – возмущённо завопил Егор, который, увидев улыбающуюся Марину, понял, что ничего страшного не произошло. – Она выбежала из квартиры как Ондатр, спасающийся от своих зубов! Врезалась в меня и даже не посмотрела, а умчалась так, как будто за ней пчелиный рой гнался! Какая муха её укусила? Куда она понеслась?

– Муха – весенняя. Понеслась – ловить удачу, – кратко ответствовала Марина.

В Егора начали закрадываться подозрения, что пока он отсутствовал дома, случилось что-то страшное и все разом сошли с ума. Он с опаской посмотрел на сестру и осторожно спросил:

– А могу я узнать поподробнее – что же всё-таки случилось?

– Можешь.

– Ну так я спрашиваю – в чём дело?

– Ну так я и отвечаю… – и Марина подробно рассказала всё, что случилось за эти пятнадцать минут до появления Егора.

Юля вылетела на улицу и по инерции пронеслась ещё несколько сотен метров. На улице весна была ещё ощутимее, чем дома. Солнечные лучи проливались тропическим ливнем, висели туманом, сверкали, дрожали и переливались. Они проникали в каждую клеточку тела и даже в межклеточную жидкость, заставляя их вибрировать от переполняющего восторга, кипящей силы и радости жизни.

Но, промчавшись пару переулков, Юля наконец пришла в себя. Пока она находилась дома, то само собой разумеющимся было только одно – выйти (а точнее, выбежать) на улицу. Оказавшись же снаружи, Юля поняла, что не имеет решительно никакого представления о том, куда идти и что делать. В растерянности она постояла какое-то время, тупо оглядываясь по сторонам, а потом, махнув рукой, решила – ловцы удачи должны полагаться на саму удачу, а не на расчёт, и пошла, куда глаза глядят.

День был настолько хорош, что не грех его было провести, просто бродя по улицам и переулкам. Идти, смотреть на старинные дома, вдыхать тёплый, пахнущий солнцем и разогретым асфальтом воздух и чувствовать, как он очищает тело от зимней тоскливой тяжести и разглядывать пробуждающуюся жизнь – это уже само по себе было если и не счастьем, то где-то совсем рядом с ним.

Идя по улицам центра Москвы, окружённая на десятки километров вокруг камнем, бетоном, асфальтом и стеклом, Юля снова и снова убеждалась, что жизнь готова существовать в самых неподходящих условиях, чем не существовать вовсе, приспосабливаясь, меняясь вместе со средой, сопротивляясь смерти вопреки всему. Травинка, пробившаяся из каменной стены, муравьи, устроившие себе дом в трещинах асфальта, бабочки, прилетающие к цветам, которые заботливые цветоводы впервые выставили за окно под солнечные лучи – всё сообщало ей об этом.

Через лабиринты бесчисленных переулков Центра, через тихие малолюдные улицы, Юля шла, не задумываясь над тем, куда ведут её ноги. Дворы, арки, разноцветные стены домов по обеим сторонам узких и кривых дорог – казалось, этому не будет конца, но какое-то время спустя, неожиданно для себя, Юля очутилась на большой площади, окружённая толпой людей. Осмотревшись, она сообразила, что занесло её на вокзал – поглощённая разглядыванием домов, наслаждаясь солнечным теплом, Юля ушла довольно далеко от дома.

Но долго стоять, оглядываясь, ей не пришлось, так как люди мельтешили вокруг неё подобно тополиному пуху, вспугнутому порывом ветра, но задевали и толкали с силой отнюдь не пушинок, а весьма и весьма чувствительно. Вынуждаемая толчками, Юля пошла вперёд, не совсем понимая, зачем, собственно, продолжает продвигаться вглубь вокзала, а не возвращается на симпатичные ей тихие и безлюдные улицы, и тут ощутила, что кто-то схватил её за руку. Резко обернувшись, Юля увидела женщину со встревоженным лицом, что-то ей быстро говорящую, тряся какой-то разноцветной бумажкой перед Юлиной физиономией. Вслушавшись в слова, Юля начала понимать, что у той не хватает денег на билет, а уезжать необходимо и поэтому она предлагает кое-что купить. Юля перевела взгляд на трясущуюся бумажку в руке женщины, и сердце её сначала остановилось на мгновение, а затем бешено заколотилось.

– Сколько? – сдавленным голосом пробормотала Юля, при этом на её лице появилось такое выражение, что женщина испуганно отшатнулась и даже сделала движение, чтобы уйти. Но тут уже Юля вцепилась в неё. Сделав глубокий вдох и взяв себя в руки, на этот раз она повторила вопрос уже спокойным голосом:

– Сколько? Я куплю его, я просто хочу знать цену.

Поколебавшись немного, так как Юля уже не внушала ей доверия, женщина сказала:

– Деточка, я бы не стала его продавать, но мне не хватает на проезд каких-то ста пятидесяти рублей, а ведь я купила этот билет за двести.

Юля засунула руку в карман, и тут её пронзила страшная мысль: она не может вспомнить, взяла ли деньги, уходя из дома? Но до конца испугаться она не успела – деньги были. Вытащив из кармана смятую пятисотрублёвку, Юля протянула её женщине, не веря в то, что сейчас происходит. Женщина схватила деньги, отдала билет и исчезла в толпе. Юля, в свою очередь, бросилась бежать в другую сторону, натыкаясь на людей и боясь, что всё случившееся окажется галлюцинацией. В панике она выхватила покупку из кармана и начала её разглядывать. Но нет, это был он, абсолютно реальный, настоящий, красочный лотерейный билет. И тут Юля сообразила, что не знает, когда будет розыгрыш и где узнать его результаты. Она бросилась обратно за этой женщиной, но найти так и не смогла – та исчезла, как снег под апрельским Солнцем. Поразмышляв немного, Юля направилась к ближайшему киоску, где продавались лотерейные билеты и, поздоровавшись с киоскёром, показала ему билет. Осмотрев его, киоскёр кивнул и назвал дату (через две недели) и газету, в которой будут опубликованы результаты розыгрыша. Всё это время Юля держала билет в руке, вцепившись в него мёртвой хваткой. Ей казалось, что если отпустить билет, то он тут же исчезнет.

До дома Юля добрела как в каком-то сне. А там уже её ждали с нетерпением. Заразившись её волнением сами, Марина и Егор ухитрились заразить им даже пришедшего к тому времени Андрея. А это чего-то да стоило – хладнокровный и рациональный Андрей был абсолютно равнодушен ко всякого рода азартным играм. Но не в этот раз. Не успел он войти в квартиру после прогулки с Машей по Чистым прудам, как был огорошен известием о Юлином сумасшествии, лотерейном билете, совпадениях и ловле удачи. Таким образом, к моменту прихода Юли все уже сидели как на иголках. Точнее, все, кроме Егора, который вообще не мог сидеть, и Маши, которая просто заснула, проигнорировав всеобщее лихорадочное ожидание. Даже непрошибаемый Андрей проявлял некоторые признаки нервозности – слишком часто перелистывал газету, а потом вовсе отложил её в сторону. Так что когда Юля вошла, то увидела шесть глаз, очень внимательно и напряжённо смотрящих на неё. Юля вытащила билет из кармана, вяло помахала им в воздухе и тут же убрала обратно.

– Юлька, ну же, как ты его добыла? – подскочил к ней горящий нетерпением Егор.

Семейная пара обратилась в слух. Юля так же вяло, как и махала, ответила:

– Отвянь, мелкий, не сейчас. Вечером, всё вечером. А сейчас я никакая, вообще сил нет.

И Юля действительно рухнула в ближайшее кресло, успев подумать: «Хорошо оно было, а то пришлось бы падать на пол» и закрыла глаза.

К вечеру всё же привычная бодрость вернулась к ней, и Юля во всех подробностях рассказала об особенностях ловли удачи. Один раз во время рассказа Андрей перебил её, попросив дать ему билет. Внимательно осмотрев его, Андрей недовольно сказал:

– Дорогая моя, а ты знаешь его реальную стоимость?

Юля равнодушно качнула головой, так как этот вопрос интересовал её меньше всего.

– В таком случае хочу просветить тебя, – продолжил Андрей, возвращая билет, – что стоимость сего клочка бумаги в любом киоске составляет каких-то пятьдесят рублей, что ровно на порядок меньше, чем отдала за него ты.

Марина, нахмурившись, неодобрительно поджала губы. Заметив реакцию супругов, Юля пренебрежительно пожала плечами. В её представлении даже сравнивать было нельзя какие-то

пятьсот рублей и этот лотерейный билет. Впрочем, в представлении супругов, их также нельзя было сравнивать.

Две недели срок, в сущности, не очень большой, но это в обычных обстоятельствах. Для Юли же каждая минута была за год. "Что же это время ползёт, как улитка на сносях» – бормотала она себе под нос, слоняясь по квартире. Все эти две недели она могла только говорить и думать о лотерейном билете и возможном будущем доме. Прежняя озабоченность всколыхнулась в Марине с новой силой, но ей оставалось только ждать, не вмешиваясь в происходящее. Егор же был целиком и безоговорочно заодно с Юлей, так что все эти две недели каждый свободный час они проводили вместе в разговорах.

– Егор, послушай, каким бы ты хотел видеть дом и место, где он будет стоять?

– Большой, светлый, много окон…

– Это точно.

– … подвал, чердак…

– А это зачем?

– Ну как же, это же здорово, просто представь свой подвал, свой чердак!

– И то верно. И высокие потолки и окна на все четыре стороны света…

– … и огромный участок…

– … и лес за ним, а перед ним поле…

– … и водоёмы рядом…

– … и легко добираться до города и, чтобы были места, где не ступала нога человека.

– Да, Юлька, это все замечательно, но там должно быть обязательно ещё одно…

– И что же?

Внимательно глядя на сестру, Егор веско, как бы собираясь сообщить нечто крайне важное, произнёс:

– Приключения.

– Угу! – насмешливо хмыкнула Юля. – На какие именно девяносто ты собираешься их себе искать, дитятко неразумное?

Егор пренебрежительно махнул рукой.

– Это ровным счётом не имеет никакого значения, подойдут любые из имеющихся, – и убеждённо сказал, – иначе от скуки недолго свихнуться. Не знаю что, но что-то там должно быть обязательно. Что-то необычное, странное, а может быть, и загадочное, и мы станем распутывать какой-нибудь таинственный клубок. – Он помолчал, мечтательно щуря глаза и улыбаясь. – Что-нибудь связанное с прошлым, историей того места, но действующее сейчас.

– Ну, Егор, любовь к истории – штука хорошая, но нельзя же её везде пихать, это уже мания какая-то, так и свихнуться недолго! – расхохоталась Юля, но, увидев потемневшее от обиды лицо брата, примиряюще подняла руку. – Ладно тебе, не обижайся, и в твою голову забредают порой светлые мысли.

– А то как же! – заявил Егор, великодушно решив забыть об обиде.

– Мы его придумали, наш дом, – зашептала Юля с горящими глазами, – и он будет, будет таким! И то, о чём ты говоришь, будет обязательно!

– Давай поклянёмся, что это будет так.

– Давай.

Не единожды впоследствии пришлось им вспомнить и этот разговор, и эту клятву.

К исходу второй недели Юля не могла уже ни спать, ни есть, всё валилось у неё из рук. Она бродила по квартире как неприкаянная душа, пугая всех, кто внезапно с ней сталкивался. Марина пыталась отвлечь её, предлагая вернуться к работе, но Юля отвечала, что ни пласти-

лин, ни стеку она не удержит, и идей у неё нет, и ничего у неё не получается, и сбегала из квартиры, чтобы не нервировать близких и успокоить саму себя.

В последний день перед розыгрышем Юля была похожа даже не на тень отца Гамлета, а на тень его тени, а в голове сидела только одна мысль – либо пан, либо пропал. Ночь перед выходом газеты она не спала, а рано утром, как раз перед тем, как должны были открываться киоски, она тихо прошла в прихожую переодеться для выхода на улицу, при этом так вцепившись в билет, что пользоваться ей пришлось одной рукой. Одевшись, она протянула свободную руку к двери, и в этот момент к ней подошёл уже полностью собравшийся Егор.

– Я с тобой, – прошептал он, помогая открыть дверь, и с недоумением указал на билет, – слушай, а зачем ты его с собой тащишь?

Юля уставилась на свою руку, отчаянно соображая – зачем?

– Не знаю, – наконец сказала она, – наверное, просто боюсь с ним расстаться, цифры —то я наизусть помню. – Слабо усмехнувшись, она добавила, – когда умру, и мне вскрытие сделают, обнаружат их на моей печени, гарантирую! Я их по гроб жизни не забуду.

Егор кивнул.

– То же самое, так что незачем его брать, оставь здесь, не дай бог, потеряешь.

Снова посмотрев на руку с зажатым в ней билетом, Юля согласилась с тем, что слова брата абсолютно справедливы, но на тумбочку положила билет с явной неохотой, боясь отвести от него глаза. Егор осторожно придавил его тяжеленной медной пепельницей и раскрыл дверь.

Если бы Юлю и Егора потом кто-нибудь спросил – каким было то утро, ни один из них и под страхом смертной казни не смог бы этого сказать. Они не видели, они просто двигались к киоску, медленно, но неуклонно и с каждым шагом их скорость становилась только ниже. Их можно было сравнить со страдающими от жажды людьми, бредущими к единственному на много километров вокруг колодцу в пустыне, но уверенными, что колодец давным-давно высох.

Наконец они доползли до киоска, укромно расположившегося под сенью огромного дерева. Несмотря на то, что уже рассвело, покупателей не было, как и не было вообще ни одного человека вокруг, если не считать киоскёрши, невидимой за стеклом, отражающем косые лучи.

Умирающим голосом Юля попросила газету и протянула деньги. Взяв её дрожащими руками, она начала разворачивать страницу. Егор дотронулся до плеча сестры и покачал головой, показав рукой в сторону дерева. Юля кивнула, и они отошли от киоска, обогнули толстенный ствол и сели на землю, прислонившись к тёплой морщинистой коре. Газету Юля положила на колени и, развернув её, вместе с братом вонзилась взглядом в результаты розыгрыша. Цифры тут же начали нагло плясать перед глазами, упорно не желая ловиться и вставать на место, и только после титанических усилий и Юле и Егору удалось совладать с устроившими издевательскую пляску цифрами.

Марина и Андрей дружно проснулись от лёгкого шума осторожно открытой и так же осторожно закрытой двери. Переглянувшись, они оба встали, быстро оделись и вышли из своей комнаты. Заглянув в комнату Юли, они увидели там привычный беспорядок, за эти две недели разросшийся до состояния хаоса, но никаких следов самой Юли. Выйдя в коридор, супруги бросили взгляд за занавеску в закуток, являющийся спальней Егора, но не обнаружили и его. После чего ещё раз переглянулись и синхронно сели в кресла в гостиной ждать их возвращения. Так что когда Юля и Егор вернулись домой, они получили прекрасную возможность увидеть две своих точных копии – белые лица и огромные глаза.

– Ну? – выдохнули супруги.

– Выиграли, – прошептал Егор, а Юля просто кивнула, не в силах поверить в то, что произошло.

– Дети мои, скажите мне – кем я работаю? – Андрей стоял посреди комнаты, гордо осматривая присутствующих.

Обе сестры и брат с недоумением переглянулись, а затем вопросительно посмотрели на Андрея.

– Ну-с, я повторяю свой вопрос – и кем же я работаю? – с тем же гордым видом продолжил Андрей. Юля и Егор с мольбой о помощи посмотрели на Марину и той, как законной жене, пришлось отдуваться за всех. Очень нежно и заботливо она спросила:

– Милый, ты ударился головой и у тебя амнезия? Зачем ты спрашиваешь? Ты что, сам не помнишь?

– Имеется повод, – заявил Андрей, – но сначала ответьте на мой вопрос.

– Ну, если ты так настаиваешь, – внимательно глядя на мужа, проговорила Марина, – хорошо – эксперт по недвижимости.

– Эксперт по недвижимости, – с видимым удовольствием повторил Андрей, – и, смею заметить, неплохой. Прекрасно, что вы все это помните. Так вот, как эксперт по недвижимости, я имею хорошие связи среди продавцов оной. Более того, у меня есть знакомый, который, услышав о наших требованиях и о сумме, которой мы располагаем, заявил, что у него имеется на примете подходящее место, лучше не придумаешь, как он сказал. И я решил его пригласить сегодня к нам, дабы он поведал о том месте поподробнее и показал фотографии. А всё почему – потому что я эксперт по недвижимости!

– Это же надо так хвастаться и напрашиваться на комплименты! – подняв в шутливом изумлении брови, рассмеялась Марина. – А когда должен прийти твой знакомый?

Раздался звонок в дверь, и Андрей немедленно поднялся с кресла, воскликнув:

– А вот и он! Исключительно пунктуален.

Идя к входной двери, он обернулся и сказал:

– Прошу вас, сделайте серьёзные и умные лица – деловая встреча всё же.

Совет был крайне уместен. Услышав, что сейчас должен прийти человек, который, возможно, откроет, куда им предстоит переехать, и Юля, и Егор, и даже Марина занервничали. А так как до этого их ещё и развеселила гипертрофированная гордость Андрея своей работой, то и брату, и обеим сёстрам действительно пришлось приложить усилия, для того чтобы выглядеть серьёзными и рассудительными. Но когда гость вошёл в комнату, он увидел перед собой абсолютно спокойных и уравновешенных людей.

Вошедший был, по первому впечатлению, очень приятным, располагающим человеком лет тридцати пяти.

– Станислав Васильевич, – представил его Андрей.

– Просто Стас, – улыбнулся гость и, поздоровавшись со всеми, сел в предложенное кресло.

– Изумительное место в окрестностях Великого Новгорода в сторону Москвы, – доверительно заговорил он, – есть и газ, и вода…

Не прошло и пяти минут, как все были совершенно очарованы – Стас сначала рассказал им о той местности, причём сделал это интересно, живо и с чувством юмора, затем показал фотографии и, наконец, покорив их окончательно, сказал, что он в полном их распоряжении и может показать участок в любой момент, когда они захотят. Если же место им понравится, он немедленно примется за оформление, избавив их от каких-либо забот. Причём, учитывая знакомство с Андреем и испытывая к нему дружеские чувства, он постарается сделать всё как можно быстрее и наилучшим образом.

– Если есть кто-нибудь, не желающий ехать сейчас, пусть выскажется и аргументирует свой отказ, – Андрей подозрительно вгляделся в каждого, кто сидел перед ним, похоже, ожидая высмотреть следы недовольства, спрятанные глубоко внутри.

– Ты действительно думаешь, что найдёшь здесь таких? – заинтересованно спросила Марина. – И как, по-твоему, это должно выглядеть – «а ну это всё к чертям, съездим как-нибудь потом, а сейчас у нас тут интересный сериал начинается» – так, что ли?

Юля в ответ пожала плечами с выражением насмешливого изумления на лице, а Егор просто покрутил пальцем у виска.

– Конечно же, – продолжила Марина, – мы поедем сейчас. День для всех свободен, погода замечательная, чего же, спрашивается, ждать? Ты пока подготовь машину, а я попробую разбудить и одеть или хотя бы только одеть Машеньку, – и с этими словами она вышла из гостиной, чтобы, не теряя времени, собрать дочку в дорогу. Андрей и Стас отправились на улицу к гаражу, а Юля и Егор остались в комнате, не желая никому мешать, и возбуждённо переговаривались, пытаясь заранее решить – то это место или не то и уже всем сердцем чувствуя – ТО!

По случаю субботы дороги были не слишком заполнены машинами, и добраться до цели удалось довольно быстро. Поездку можно было бы счесть просто отличной, если бы не то, что Маша беспокоилась и хныкала всю дорогу без перерыва. Сначала её пытались отвлечь, чем только могли, а затем решили, что ребёнка укачало в машине, и отстали от неё. Так что когда подъезжали к месту, картина была такова: Марина успокаивала ноющую Машу, Андрей и Стас тихо переговаривались о каких-то своих делах, а Егор и Юля вклеились в окно машины, жадно рассматривая окрестности и ни на что больше не реагируя.

И посмотреть действительно было на что! Природа, которая ещё каких-то две с небольшим недели назад замерла в ожидании рывка, теперь его всё-таки сделала. Да как сделала! Вокруг бушевала жизнь – трава тянулась к солнцу почти зримо, листьями были покрыты большие и маленькие кустарники, даже на огромных деревьях стал уже заметен какой-то намёк на листву. И как венец всего – плодовые деревья, сплошь усыпанные цветами, белой и бело-розовой пеной накрыли окрестные деревеньки и встречались тут и там поодиночке на опушках и полянках, привлекая к себе полчища насекомых. Совершенно сумасшедший аромат царил надо всем – аромат цветущих деревьев, нагретых солнцем хвойных лесов и тёплой чёрной земли.

Любая дорога когда-нибудь заканчивается, подошла к концу и эта. Машина проехала мимо деревни, расположенной на холмистом берегу реки и утопающей в цветущих деревьях, миновала небольшой луг, обогнула край леса и остановилась около забора, ограждающего огромный участок – бывший хутор, заброшенный много лет назад. Прежние владельцы умерли, а новые так здесь ни разу и не показались. Не будучи ярыми фанатами деревенской жизни, они в конце концов решили, что наилучшим выходом для них будет продать доставшийся по наследству участок и обратились как раз в ту фирму, агентом в которой работал Стас.

Участок был действительно великолепен – огромный, ровный, сухой, он располагался как бы на дне чаши, лежащей на боку и образованной плавно изгибающейся линией леса, причём одна из стенок чаши была гораздо длиннее другой, уходя вперёд на несколько десятков метров. Создавалось впечатление, что лес, обнимая, защищает участок. Перед хутором раскинулось огромное поле, пересечённое кое-где небольшими перелесками, а на горизонте замыкаемое неровной полосой леса, зубчатой от возвышающихся острых верхушек сосен.

Все вышли из машины, крутя головами по сторонам. В принципе, они могли уехать сразу, даже не покидая машину, потому что, увидев всё это, необходимости в дальнейшем осмотре больше не имели. Всё было и так ясно – это оно. Но как раз уезжать-то совершенно не хотелось, и они бродили повсюду с одуревшими и счастливыми лицами. Стас, который хотел, по обыкновению, начать расхваливать объект, посмотрев на клиентов, понял – можно считать, что участок уже продан. Поэтому он остался стоять у машины, не мешая им прикипать к этому месту с каждой минутой всё больше и больше.

К слову сказать, как только Машу вытащили из машины и отпустили побегать, она тут же перестала ныть, разулыбалась и ринулась вперёд за первой попавшейся бабочкой. Она не огорчилась даже тому, что, не пробежав и десяти шагов, запнулась о камень и плюхнулась на землю, ибо и под носом было много чего интересного, что стоило рассмотреть. Марина, рассмеявшись, подняла Машу и все вместе зашли на участок.

На территории бывшего хутора располагалось несколько полуразвалившихся построек – жилой некогда дом и подсобные помещения, следы большого огорода и одичавший, но прекрасный сад, находящийся сейчас во всём своём весеннем великолепии.

Они бродили по участку, обмениваясь тихими комментариями, боясь говорить громко, хотя ликование переполняло их:

– Ты видишь – здесь несколько сосен и дубов!

– А там и яблони и вишни и ещё куча всего!

– А тут и там и вон там будут цветники!

– Да здесь места для всего хватит!

– А вы видели, там была река!

– Ага, и река, и лес вплотную, и поля…

– Дорога рядом – добираться удобно…

– И в то же время уединение!

– А мы не спим? Может, мне это снится? Проснусь, а ничего нет.

– Типун тебе на язык, а то и сразу несколько – залепить гнусную тварь целиком! Нет, это не сон. Мы действительно здесь и уезжать уже не хочется.

Переговариваясь, и Юля, и Егор, и супруги долго бродили по участку, затем немного по лесу, потом чуть-чуть по полю и под конец решили дойти до деревни. Точнее, Андрей и Стас поехали туда на машине, а остальные пошли пешком.

Марина заговорила первой:

– Ну и как, есть у кого-нибудь возражения против участка?

Юля и Егор, не сговариваясь, одновременно покрутили пальцем у виска. Ответила Юля:

– Марин, ты извини, конечно, вообще-то, ты умный человек, но вопрос твой на редкость дурацкий. А ты что скажешь, мелкий?

– Я, лично, буду очень воспитанным молодым человеком и не скажу ничего, потому что если я что-то скажу, то ты, Мариночка ужаснёшься, откуда я знаю такие слова, и, может быть, даже обидишься на меня! – очень серьёзно сказал Егор, хотя глаза его смеялись.

– То есть я правильно поняла вас обоих – возражений нет?

Ответом были красноречивые взгляды и выразительное молчание.

– Я буду солидарна с вами и скажу, что мне так же очень понравилось, больше того – Андрей, а я его знаю, был в полном восторге. – Марина немного помолчала, привлекая их внимание к Маше. – А Машенька за всё время ни разу не хныкнула и не пискнула, хотя и не один раз упала, из чего я заключаю – ей так же всё очень нравится.

Разговаривая, они дошли до деревни, где и обнаружили Андрея и Стаса оживлённо общающимися с группой местных жителей, с которыми уже успели свести знакомство. Увидев родственников, Андрей помахал им рукой, попрощался с собеседниками и прошёл к машине. Вслед за ним к машине проследовал и Стас. Затем все уселись в неё и отправились домой. Кстати, едва только они сели и машина тронулась, Маша опять заплакала.

– Что же это такое? – удивлялась Марина. – Никогда её не укачивало в машине.

По дороге Андрей делился информацией, почерпнутой от местных жителей:

– Мне сообщили, что рыбалка тут отменная, а чуть выше по реке находится группа островов. Здесь и ниже по течению есть несколько песчаных пляжей. В самой деревне имеется прекрасная новая школа, – и он бросил взгляд на Егора через зеркальце, – что очень удобно – не придётся возить тебя в город, а так же магазин и даже небольшая поликлиника. Плюс к этому

деревня обитаема круглый год и почти у всех её жителей имеются дети, – здесь он посмотрел на Марину, – будет с кем играть Машеньке. Словом, всё просто замечательно, есть только одно но.

Все насторожились.

– Мне сообщили некоторые странные вещи, – иронично улыбаясь, начал Андрей. – Ясно, что это полный абсурд и чистейшей воды суеверие, но местные жители, все как один, убеждали меня, что за тем полем, что простирается перед нашим домом, – тут Андрей сам себя поправил, – нашим будущим домом, находится некое нехорошее, а то, – он усмехнулся, – и вообще проклятое место. И что с ним связанно огромное количество всякого рода слухов.

Реакция всех, кто слушал, была различна – Юля и Егор, радостно переглянувшись, так сказать, потёрли руки – вот оно, начинается! Марина отнеслась к этому совершенно равнодушно, ибо ни в какую чертовщину не верила, а в данный момент её гораздо больше волновала дочка, никак не желавшая успокаиваться. Стас же, который был свидетелем и участником разговора и своими ушами слышал, что говорили люди, испугался, что выгодная сделка может сорваться. Но услышав оговорку «наш» дом и поправку «будущий» и увидев по лицам остальных, что это их не испугало и не оттолкнуло, расслабился.

– Что ж, в таком случае я могу заключить, что эти мрачные слухи как специи к еде, или, выражаясь иными словами, как привидения к английскому замку, – завершил беседу Андрей.

Оставшийся путь они проделали молча, слишком возбуждённые и захваченные увиденным.

Андрей высадил Стаса у ближайшей станции метро. Прощаясь, Стас заверил, что с завтрашнего дня начнёт оформление участка и посоветовал им подыскать фирму, которая займётся постройкой их будущего дома. Тепло попрощавшись, они расстались.

Уже вечером, после ужина, Марина и Андрей уединились в своей комнате, обсуждая технические подробности обращения в фирму, постройки дома, вопрос цены и тому подобные вещи. Единственный раз они отвлеклись от этой темы, когда заговорили о внезапно проявившейся у их дочери негативной реакции на машину. Ведь она и на обратном пути смогла заснуть только тогда, когда они были уже недалеко от дома.

Юля и Егор в свою очередь закрылись в Юлиной комнате. Хоть и также связанные с домом, их интересовали совсем другие вопросы.

– Юль, как ты думаешь, что значит «нехорошее, а то и вовсе проклятое место», а? – начал разговор Егор.

– Понятия не имею. Может быть, у них шутки такие, может, они всех приезжих так разыгрывают, или, чего доброго, у них там клад спрятан? – Юля развела руками, не особенно веря в свои слова.

– Ага, местный банк и они не хотят, чтобы его вскрыли! – выдвинул свою версию Егор.

– Слушай, мелкий, а может, там действительно что-то странное, как ты думаешь?

– Точно! В чёрном-чёрном лесу есть чёрное-чёрное болото, в чёрном-чёрном болоте сидит чёрный-чёрный чёрт и… он съест тебя! – завопил Егор, схватив, сестру за шею руками. Она испуганно отшатнулась.

– Да ну тебя, идиот, ты же меня испугал, – проворчала Юля.

– На то и был расчёт, – радостно отозвался брат.

В отместку Юля стукнула его кулаком по макушке.

– Отольются кошке мышкины слёзки – доиграешься с такими шуточками, – отчасти в шутку, отчасти всерьёз сказала она, – попомни мои слова – и тебе придётся испугаться так, что мало не покажется. Но ладно, подурачились, и хватит, а если там на самом деле что-то не так?

– То это было бы просто здорово! – с искренним убеждением отозвался брат, не особенно задумываясь над тем, что именно и насколько «не так», могло бы там быть.

– Я предлагаю – как только мы туда переедем, сразу же начать всё исследовать и выяснять. Как тебе?

– Я думаю, это отличная идея. Представляешь, мы находим какое-нибудь вселенское зло, прогоняем его и становимся спасителями мира! – щурясь от удовольствия, пробормотал Егор.

Сестра только покачала головой.

– Егорушка, тебе сколько лет? – медовым голосом поинтересовалась она.

– Пятнадцать, и что с того? – буркнул обиженный Егор, сразу поняв намёк.

– А то, что, во-первых, ведёшь себя так, будто не больше десяти, а во-вторых, такого спасителя мира, как ты, ещё самого спасать надо.

Егор праведно возмутился:

– А 15-летний капитан? – он махнул рукой, отметая возможные возражения сестры. – Хорошо, ты скажешь – неубедительно, литературный пример, а не из жизни, хотя подобные случаи бывали и на самом деле, – горячо проговорил он, несмотря на то, что сестра не сделала ни единой попытки возразить, – но вот тебе пример из жизни – Гайдар. В 15 лет он уже командовал взводом, – Егор задумался на мгновение, а потом махнул рукой, – может, и не в 15, может, и не взводом, но что-то такое точно было. Ага, вспомнил – в четырнадцать с половиной был командиром взвода курсантов, в шестнадцать роты, а в семнадцать уже командовал полком, – он кивнул, – да, именно так.

Юля покосилась на него и хмыкнула. Пожав плечами, она ответила:

– А ещё заявляешь, что историей увлекаешься, тот ещё знаток, небось, переврал одну половину, а другую додумал. Ладно, не пыхти так и не сверкай глазами – не ровён час подожжёшь что-нибудь. Да, точно, где-то, что-то, когда-то обязательно что-нибудь да было, но именно к тебе это не относится. Ты же будущий историк, кабинетный червь, а не боевой командир с шашкой наголо. И пыль, которой ты будешь дышать, вовсе не пыль дорог в дальних странствиях, а прах древних манускриптов и палимпсестов.

Егор нахмурился.

– Ты это зря, что с того, что я люблю историю, это же не значит, что я ни на что не способен.

Пожав плечами, Юля заметила:

– Вообще-то только время может показать, кто на что способен. Время и какая-то серьёзная ситуация.

– Так именно об этом я и говорю! – воскликнул Егор, вскакивая и начиная бурно жестикулировать. – Именно об этом! Так что нечего говорить, что я только будущий кабинетный червь и ничего больше!

Сестра в изумлении покачала головой.

– Вот завёлся, ну надо же! Ты сядь, успокойся, – похлопала она по дивану рядом с собой. Брат сел, но лицо его всё ещё хранило выражение незаслуженной обиды.

– Время покажет, кто на что способен, – повторила Юля примиряюще, – тем более, чует моё сердце, у нас будет возможность это проверить.

Препирательства на этом закончились и они вернулись к тому же разговору, что вели до этой стычки. Проговорив ещё какое-то время, они пожелали друг другу спокойной ночи и расползлись по кроватям.

Юля взяла книгу, чтобы почитать на сон грядущий, но слишком возбуждённая, она никак не могла сосредоточиться на тексте. Книгу пришлось отложить, и, закрыв глаза, Юля начала мечтать о будущей счастливой жизни и так, мечтая, погрузилась в сон.

«Я иду по огромному, бесконечному болоту. Вокруг меня на низких кочках сидят гротескно уродливые лягушки и жабы. Выглядят они на редкость плотоядными. Внезапно я заме-

чаю птицу, которая прыгает по этому болоту, вязнет в нём, пытается выбраться и улететь, и не может. Лягушки со всего болота начинают стягиваться вокруг, стараясь добраться до неё и сожрать. Наконец птица ценой неимоверных усилий вырывается из болота, спасаясь от этих отвратительных земноводных, и улетает к Солнцу. Я подношу руку ко рту и начинаю грызть её. Я знаю, что съесть её (и себя целиком) – единственный способ спастись.»

Юля резко села на кровати с колотящимся сердцем. «Приснится же такое. Завтра же расскажу Егору. Какой жуткий сон.»

Но наступившее утро почти стёрло воспоминания об этом сне, и при ярком свете Солнца он показался уже совсем не таким страшным. А затем Юля и вообще забыла о нём. На какое-то время.

Прошло около двух месяцев. Стас не обманул – он действительно очень быстро оформил участок. Так что Андрей, уже давно договорившийся со строительной фирмой и периодически заезжавший посмотреть на результаты, мог видеть, как растёт и обретает форму их будущий дом. И однажды, когда до переезда оставалось три недели, Юля заявила:

– Нам нужны собаки.

– С этим никто не спорит – если живёшь на отшибе, собаки только в помощь.

– Дело не только в том, что мы живём на отшибе. Я собираюсь далеко уходить. В компании двух собак мне будет гораздо спокойней.

Марина поинтересовалась:

– А почему именно двух? Не одной, не трёх или ещё больше?

– А потому что у меня только две руки – заявила Юля, – это во-первых; это будут мальчик и девочка – это во-вторых, пола тоже только два. И в-третьих – так как собаки будут моими, то и породу выбирать также буду я. Кстати, с Егором я это уже обсуждала, и он обеими руками за.

– И кто же это должен быть? – несколько встревоженно спросил Андрей. Зная Юлю, он боялся, что её собаки окажутся как минимум амурскими тиграми, а то и белыми медведями.

– Кавказские овчарки! – воскликнула Юля. – Это будут две замечательные кавказские овчарки – белая и бурая, как медведи…

Тут Андрей не выдержал и расхохотался:

– Тогда уж бери одну тигровую – как амурского тигра.

Вслед за ним рассмеялась и Марина – родную сестру она знала не хуже мужа.

– То есть вы согласны? – с облегчением спросила Юля. С нервным напряжением ожидаемая ею битва, уступать в которой она не собиралась, закончилась, так не начавшись.

– Почему же мы должны быть против. Отличные собаки, для частного дома то, что нужно, – сказал Андрей, и Марина согласно кивнула.

Юля, не веря своей удаче, быстро заговорила:

– Щенков надо взять сейчас, пока они маленькие, с ними всё равно нельзя гулять, возьмём, сделаем прививки, через три недели переезжать, там и начнём гулять.

Супруги предпочли бы дождаться переезда, но Юля смотрела на них такими умоляющими глазами, что они против воли дружно сказали:

– Хорошо!

Счастливая, Юля понеслась обзванивать объявления. Через два дня по квартире катались два меховых клубка – белая двухмесячная Ангара и полуторамесячный буро—тигровый («и тигр, и медведь в одном флаконе» – прошептал Андрей на ухо Марине, заставив её рассмеяться) карапуз Алтай.

И вот долгожданный день переезда настал. Прощаясь с квартирой, все прошлись по комнатам, с которыми было связано столько воспоминаний, заглянули в закуток – спальню Егора, посидели на кухне напоследок. Без вещей и книг квартира стала выглядеть очень печальной

и одинокой и если бы не животные: три кошки – 14-летняя Дама, 3-х летний Крис и годовалая Фенька, а так же два электрических веника – Ангара и Алтай, стало бы совсем грустно.

Наконец с квартирой попрощались, закрыли дверь и уехали к новой жизни.

Глава 1

Все столпились возле коробок с вещами, наваленных около входа в их новый дом. Андрей, как номинальный глава семьи, решительно заявил:

– Первым делом мы разбираем этот ужасный завал у двери.

– А вторым? – совершенно справедливо поинтересовался Егор.

– А так же третьим? – продолжила Юля.

– И самое главное, четвёртым, – твёрдо заключила Марина с абсолютно серьёзным выражением лица.

– Ну вот, опять издеваетесь, – проворчал Андрей.

– Это только потому, что ты любитель говорить очевидные вещи, – заметила Марина, – или, по-твоему, мы собрались пойти к той сосне и устроить вокруг неё хоровод? Естественно, что сначала надо убрать коробки. – Марина помолчала чуть-чуть, наклонив голову набок и внимательно глядя на мужа, а затем продолжила, – ты учти, что если продолжишь так говорить, то мы придумаем что-нибудь ещё, и пострашнее. Не так ли, ребята? – обратилась она к брату и сестре.

– Во-первых, святая правда, – согласилась Юля, – а во-вторых, прежде чем нам таскать коробки, надо решить, куда засунуть щенков, надеясь при этом, что кошки сами разбегутся. Иначе, боюсь, вместо них у нас будут отличные лохматые коврики!

– А мы тебя предупреждали, что щенков надо брать, когда мы переедем! Сама взяла, вот сама и решай, куда. Хоть в карманы засовывай, хоть в коробку сажай! – радостно откликнулся Андрей, счастливый, что есть на кого перевести стрелки.

В конце концов, разобравшись и с щенками, и с кошками, и с вещами, они уставшие, но довольные собрались в самой большой комнате дома.

– Какое счастье, что Машка всё это время проспала, и что уж если она спит, то её и из пушки не разбудишь, – сказала Марина и с удовлетворённым вздохом растянулась на диване, заботливо принесённом в комнату именно для этой цели, прижимая к себе проснувшуюся и очень оживлённую дочку.

Тому, кто общался с полуторагодовалыми детьми, и объяснять не надо то, что представили родичи. А кто не общался, всё равно не поверит.

– Это был бы полный дурдом! – озвучив мысли всех остальных, сказал Егор, и неожиданно спросил, глядя на Андрея, – так я повторяю свой вопрос – как быть со вторым?

– С каким «вторым»? – не понял сначала тот.

– А с тем вторым, с которым мы должны разобраться после первого.

– Точно, точно, а ещё и с третьим, и четвёртым! – согласно закивали головами Юля и Марина.

– Тогда уж добавьте и пятого – меня, то есть, – вспомнил Андрей, оживляясь. – Машу брать не будем – маленькая ещё, а с зоопарком и так ясно.

– Милый, у тебя бред, – сочувственно произнесла Марина. – Ты переутомился.

– Ничего подобного! Я хочу сказать, что надо решить, чем мы будем заниматься. Я имею в виду то, о чём каждый из вас, то есть из нас, мечтает и что, пока есть возможность, собирается делать.

– Так подай пример и начни с себя, – заметила Марина.

– Хорошо. Первым делом я собираюсь хорошенько выспаться, затем проснусь, встану, приведу себя в порядок, позавтракаю…

– Надеюсь, ты не станешь описывать каждый миг! – с шутливым испугом воскликнула Марина.

– … возьму свои удочки, – тут Андрей погладил их рукой. В предвкушении завтрашнего дня он никак не мог заставить себя с ними расстаться, – и отправлюсь на речку. Местные старожилы заверили меня, что здесь отличная рыбалка. А теперь ты, Мариночка, каковы твои планы на завтрашний день?

– Чтобы не повторяться, сразу перейду к сути. Я хочу внимательно осмотреть участок, чтобы решить, где и какие цветы должны расти, – и Марина закрыла глаза, с удовольствием представляя, как прекрасен будет участок, после того, как она с ним поработает. Перед её мысленным взором колыхались, как живые, огромные ковры из цветов. Цветы взбирались по шпалерам, свисали со стен дома и, вообще, встречались в самых неожиданных местах.

Все вежливо молчали, не мешая ей наслаждаться своим видением. Даже маленькая Маша внимательно и серьёзно (а главное, молча) рассматривала маму. Наконец, тряхнув головой, Марина посмотрела на брата и сестру.

– А вы чем собираетесь заниматься? – спросила она с ласковой и немного отрешённой улыбкой, всё ещё не до конца очнувшись от своего видения.

– Позадавать вопросы и повыяснять кое-какие вещи! – одновременно воскликнули и Юля и Егор.

Андрей расхохотался:

– «Беги, разузнай и разнюхай» – начертано на семейном гербе у мангустов», – процитировал он Киплинга. – Ну, если вы оба не мангусты, тогда я не знаю, какими ещё они должны быть.

– А что, очень верное прозвище, – задумчиво протянула Марина, – полностью отражает суть вещей. Предлагаю оставить его за вами.

Юля и Егор посопротивлялись для проформы, но, в сущности, ничего обидного в этом прозвище не было, да и сказки Киплинга им нравились, так что с тех пор кличка «Мангусты» стала их официальном прозвищем.

Следующее утро выдалось как нельзя более подходящим для претворения в жизнь их планов. За завтраком все единодушно решили, что каждый займётся их осуществлением в одиночку, а вечером соберутся вместе и поделятся впечатлениями. И за исключением только того факта, что Андрей и Егор до деревни дошли вместе, решение было выполнено неукоснительно.

Наступил вечер и все опять собрались вместе. Чтобы не отвлекаться от обмена впечатлениями, решили отложить их на… (ведь если есть послеобеденное время, почему нет послеужинного?), словом на время, которое наступит после ужина. И едва покончив с ужином, в сгущающихся сумерках июльского вечера они перешли в гостиную, освещённую лишь остатками света с улицы и маленьким торшером. Из соображений уюта ламп решили больше не зажигать.

– Самая подходящая обстановка для рассказывания страшных историй, – войдя в комнату последней и осматриваясь кругом, заметила Юля, за которой вкатились оба щенка, причём Алтай, запнувшись о порожек, пропахал носом пол. И действительно – слабый свет маленького торшера делал комнату очень уютной, но в тех углах, где его хилых сил не хватало, чтобы справиться с темнотой, казалось, что тени собираются во что-то реальное и осязаемое.

– Ну, за этим дело не станет! – ухмыляясь, заявил Егор, но ноги всё же на кресле поджал.

Супруги удивлённо переглянулись:

– А по-моему, очень уютно, – заметила Марина.

– По-моему, тоже – поддержал её Андрей, – хотя насчёт страшных историй я солидарен с Егором – мне тоже есть, что рассказать. Ведь ты это имел в виду, говоря, что за ними дело не станет? – посмотрел он на Егора.

– Ага, именно это! – закивал Егор, который с трудом удерживался от того, чтобы не выложить сразу всё, что он услышал в деревне.

– В таком случае предлагаю рассказывать истории по мере возрастания их занимательности, – предложила Юля.

– Тогда первой должна начать рассказ я, так как ничего интересного со мной не произошло – с участка-то я никуда не уходила, – отозвалась Марина.

– Значит мой рассказ второй, ибо никаких ужасов я вам не обещаю, разве что было смешно и нелепо.

Тут не выдержал Егор, который с самого возвращения домой был в крайне возбуждённом состоянии:

– А я тогда должен рассказывать последним – мой рассказ, безусловно, самый интересный и страшный!

Андрей с сомнением посмотрел на него, но решил не ронять своё достоинство, споря с младшим, и все сошлись на том, что его, Андрея, история будет третьей, а Егор завершит этот вечер воспоминаний.

История Марины

– Как я ранее сказала, ничего особенно интересного я вам рассказать не могу…

– Мы все пообещали поделиться историями, – встрял Егор.

– А впечатлений было много. Даже не знаю, с чего начать. – Марина, размышляя, о чём бы рассказать, случайно посмотрела на дочку, устроившуюся рядом. – Ладно, начну с Машеньки. Сначала она раз десять упала, затем решила попробовать крапиву на вкус…

– Ну и как? – снова встрял Егор.

– Не понравилось, – сухо ответила Марина. – Затем скатилась в ямку и не могла оттуда выбраться и в итоге застряла в упавшей ветке, что ей не понравилось даже больше, чем крапива.

– Вот-вот, дети, все они такие, мелкие вредители, – пробормотала Юля, мрачно посмотрев на щенков, заснувших, развалясь, посреди комнаты. Тени, повыползавшие из углов с наступлением ночи, их совершенно не пугали.

Марина с любопытством посмотрела на сестру, но, не дождавшись продолжения, вернулась к рассказу.

– Словом, не мне вам объяснять, что такое маленький ребёнок, оказавшийся на природе. А что же касается моих впечатлений от участка, то это сказка, – и её лицо вновь осветилось тем же выражением радостного возбуждения, временами переходящего в восторг, которое не сходило с лица всё то время, что она провела в саду. – Он ещё лучше, чем я думала. Земля не потеряла плодородность, деревья и кустарники, хоть и требуют ухода, все увешаны плодами, а как здесь можно развернуться с цветами, – Марина даже зажмурилась от удовольствия. – А я всё осмотрела, всё рассчитала и завтра оставлю Машеньку под вашу ответственность и поеду в садовый центр за рассадой. На этом, если у вас нет возражений, я могу считать свой рассказ оконченным.

История Юли

– В таком случае, продолжаю вечер я, – и Юля сделала глубокий вдох, пытаясь обрести ледяное спокойствие. Удалось ей это, правда, не в полной мере. – Первое, что я хочу сказать: заявляю официально – если мне ещё доведётся брать собак, никогда, ни при каких обстоятельствах я не возьму двух щенков сразу!

– Юленька, а как же твоя теория насчёт двух рук и так далее? – очень-очень вежливо спросила Марина.

– Да хоть сторукий Бриарей! – рявкнула Юля. – Я хочу сказать, пусть у меня была бы хоть сотня рук и пятьдесят голов, как у Бриарея – что мне действительно было нужно, так это две меня! Если честно, то я просто не представляла, что такое два щенка. То, что я всегда видела – это чинное, мирное сопровождение мамы. Но эти мелкие монстры, – тут Юля с силой выдохнула, – начнём с того, что они органически не могут держаться вместе, это они дома такая неразлучная парочка. Затем, они не только не могут держаться вместе – вы только посмотрите на эти толстенькие короткие лапки и упитанные тельца, они вообще не могут держаться на ногах! Вы видели, как сюда влетел Алтай, а ведь здесь ровный пол – что же творилось в лесу – уму непостижимо. Хотя бы как мы пытались перебраться через маленькое брёвнышко. Алтай подошёл к нему первым и попытался перелезть, свалился с этой же стороны и разорался на бревно, очень возмущённый. Вслед за ним подбежала к бревну Ангара и тоже попыталась перелезть. Пока я успокаивала Алтая, она свалилась носом вниз с противоположной стороны и также развозмущалась. Я бросилась к ней, не перенеся Алтая на другую сторону, тем более что Ангара перелезла через бревно в пяти метрах от нас. Только я добежала до неё, Алтай снова полез через бревно и повис на нём – ни туда, ни сюда. Я бросила Ангару, учитывая, что она была с нужной стороны бревна, но только я добежала до Алтая, Ангара свалилась уже с другой стороны. Так я бегала несколько раз, пока не догадалась схватить одного за другим в охапку (а весят они немало) и перенести обоих куда надо.

К концу повествования все хохотали, да и Юля также развеселилась.

– А почему ты сразу не взяла обоих? – сквозь слёзы еле выдавила Марина.

– Да если честно, просто не сообразила. Дальше, конечно, с брёвнами пошло проще, опыт уже был, но если им нужно было побежать за бабочками, то летящими в противоположные стороны – один бежит, к примеру, направо, то другая – налево, если застревают в чём-нибудь, то одновременно и в разных местах, а если подбивать меня, то под обе ноги одновременно. А затем эти два малолетних негодяя дружно плюхнулись на полянке и заснули, пока я сидела и кормила комаров, и проспали часа полтора, не меньше. Ну и приблизительно таким же образом мы возвращались обратно.

Когда все отсмеялись, слово взял Андрей.

История Андрея

Первым делом он посмотрел в окно:

– Ну что же, Солнце уже совсем село и дело движется к полуночи. Самое время для страшных историй. Как мы дошли до деревни с Егором, рассказывать, думаю, смысла нет. Всё самое интересное начинается с того момента, когда мы расстались. Егор побежал к молодёжи, я же отправился к реке. Сначала впечатления по поводу реки, как и было обещано. Это что-то неописуемое. Там есть всё: и пологие пляжи с одной стороны и отвесные берега с другой, есть брод, стремнина и несколько островов, словом, на любой вкус. Рыба, кстати сказать, там весьма обильна и разнообразна, правда очень сложно ловится.

В этом месте слушатели с трудом удержались от смеха – Андрей был страстным любителем рыбной ловли, но очень плохим рыбаком и мест, где рыба «ловилась бы хорошо», для него не существовало по определению.

– И пока я сидел на берегу с удочкой, получая удовольствие от замечательного дня, красивого пейзажа и, в особенности, от пойманных к тому моменту двух карасей и одной плотвички, ко мне подошёл человек. Чуть позже к нему присоединились ещё несколько его знакомых, так же, как и он, местных жителей, и мы вступили в беседу. Кстати, – посмотрев на каждого в отдельности, твёрдо заявил Андрей, – именно этот факт послужил причиной моего скудного улова.

Тут Егор, не удержавшись, громко фыркнул, но Андрей предпочёл его проигнорировать.

– И они поведали мне весьма интересную историю. Правда, я не вполне уверен – были они серьёзны или решили разыграть новичка, но передаю вам без изменений и купюр то, что было рассказано мне. Так вот, они сообщили мне, что места здесь в целом отличные и ходить можно практически куда угодно, но стоит избегать одного места. Якобы в их деревне оно пользуется дурной славой. Этим местом является находящееся в десяти километрах от нас небольшое болото.

При этих словах Егор дёрнулся в кресле как ужаленный. Он хотел было уже что-то выпалить, но Андрей смерил его строгим взглядом:

– Молодой человек, вы сами вызвались говорить последним. Так что попрошу не прерывать меня своими высказываниями и терпеливо дожидаться своей очереди.

Пристыженный, но, тем не менее, с трудом сдерживающийся, Егор был вынужден закрыть рот.

Андрей вернулся к рассказу:

– Как я уже сообщал ранее, этим запретным местом является болото. У местных жителей оно носит название либо Чёртова, либо Проклятого болота. Оба названия равно в ходу, и в беседе со мной его называли и так, и этак. Были ещё и другие названия, но в присутствии детей и женщин я их повторять не стану. Об этом болоте ходит много легенд. Например, в деревне было несколько случаев сумасшествия, и их приписывали действию болота на том абсурдном основании, что несчастные некогда посещали его. Говорят, что болото может заставить человека залезть в трясину и утонуть там только потому, что одного страдающего лунатизмом человека успели перехватить на выходе из деревни, когда он двигался в том направлении. Все случаи исчезновения людей и домашних животных (а их не могло не быть в такой большой деревне), также приписываются болоту. И, наконец, говорят, что тех, кто бывает там по ночам, охватывает безотчётный ужас, и что проходившие там ночью люди видели призраков. Кстати, там бывало много людей – очень грибные и ягодные места, как сообщили мне аборигены; кроме того, на некотором расстоянии от болота находится старинное кладбище, на котором покоятся кости предков большинства жителей деревни. Так вот, с ума сошло очень незначительное количество людей в процентном соотношении, так что обвинять в их сумасшествии болото просто нелепо. Совершенно очевидно, это последствия близкородственных браков.

С этими словами Андрей повернулся к Егору:

– Теперь ваша очередь, молодой человек, приступайте.

История Егора

И Егор приступил. Он уже давно в еле сдерживаемом нетерпении крутился в кресле, и слова, как только он получил возможность говорить, посыпались из него, как крупа из прохудившегося мешка:

– Когда мы расстались с Андреем, я побежал к ребятам познакомиться. Впечатление – ребята хорошие, я с ними подружился, и так же, как и в случае Андрея, они начали мне рассказывать о болоте. Там живёт водяной…

Здесь Андрей иронически хмыкнул.

– Да – водяной, – загорячился Егор, – мне ребята всё рассказали, они бегали ночью к болоту, близко не подходили, конечно, и видели и призраков, и зомби и испугались так, что чуть в штаны не наложили. И даже водяного видели – чёрное существо шевелилось в болоте и выло там, а затем они побежали домой и больше не ходили туда. А ещё водяной может во сне присниться. И кому он приснился, тот с ума сходит и его надо в сумасшедший дом отправлять, потому что он обязательно пойдёт, иначе, ночью и утопится в болоте. Несколько человек так утопилось, только одного поймали, потому что следить стали, теперь их в дурдом отправляют, кому он приснился… – Егор потерял дыхание и замолчал.

Юля, сузив глаза, неотрывно смотрела на брата, выпалившего без остановки свой рассказ. Дослушав, она перевела взгляд сначала на Андрея, затем на Марину и увиденное несколько озадачило её. Да, она не считала, что в болоте живёт водяной, но полное единодушие жителей деревни недвусмысленно говорило ей о том, что с тем местом что-то не так. А выражение лиц супругов также недвусмысленно показывало, что они считают это не более чем нелепыми историями – не то милые развлечения местных жителей, любящих пугать приезжих, не то дремучие деревенские суеверия, на которые каждый образованный человек должен смотреть свысока. Покачав головой, Юля закрыла глаза и откинулась в кресле, размышляя над услышанным.

К этому моменту время перевалило уже за полночь и собеседники, пожелав друг другу спокойной ночи, разошлись по своим комнатам. По дороге Андрей спросил у Марины:

– Как ты думаешь, нужно ли поговорить с Егором о вредности подобных фантазий?

На что та ответила:

– Не стоит, кто ребёнком не заслушивался страшными историями, да и сам их не рассказывал.

– Я не заслушивался и сам не рассказывал! – категорично заявил Андрей.

– Ну, ты у нас уникум, а я лично делала и то, и другое в лагере, и что интересно, вроде понимаешь, что бред, а в то же время веришь. Егор – нормальный подросток, пусть развлекается, – и Марина улыбнулась, вспоминая собственное детство.

Юля и Егор шли к своим комнатам, захватив щенков в охапку, так как те были слишком сонными, чтобы бежать самим. Перед тем, как отправиться к себе, Юля зашла к Егору обсудить услышанное. На кровать они забрались с ногами, взяв малышей с собой.

– Юль, что ты думаешь по этому поводу? – спросил Егор и, взъерошив волосы руками, уставился в чёрный прямоугольник окна. С тех пор, как он своими собственными ушами услышал рассказы о болоте и своими глазами увидел откровенный страх тех, кто рассказывал о нём, он полностью поверил в то, что там обитает нечто жуткое. Слишком испуганы были мальчишки, говорящие о том проклятом месте. И сейчас, как и весь сегодняшний вечер, взгляд его неотступно притягивало болото, видеть которое он не мог, но чьё присутствие ощущал очень остро.

– Знаешь, мелкий, я полагаю, что, с одной стороны, у страха глаза велики, например, эти «зомби» – явно просто болотное свечение, а уж придумать можно… – Юля пожала плечами, – но, с другой – в этом, безусловно, что-то есть, раз все местные в это верят.

Тут Егор горячо закивал головой:

– Да-да, и ещё как, ребята в самом деле боятся болота. Когда я предложил сходить ночью и посмотреть, они явно испугались и посмотрели на меня как на идиота, никто не согласился.

– Об этом я и говорю, а ведь это безбашенные подростки, сующиеся в любую дыру. Я не думаю, что Андрей прав, утверждая, что это абсурд, реакция людей опровергает это. Сложно представить, не невозможно, но сложно, что вся деревня договорилась разыгрывать приезжих. Очевидно, там на самом деле что-то есть.

– И что мы будем делать? Завтра же отправляемся на исследования, как и положено мангустам?

При слове «мангусты» оба улыбнулись, вспомнив вчерашний разговор.

– Нет, я не могу, щены ещё очень маленькие, они не пройдут двадцать километров. Надо подождать, когда они подрастут, я не хочу оставлять их одних. Месяца два-три – и можно отправляться. А ты пока собери в деревне всю информацию, какую только сможешь.

На этом разговор закончился, и Юля, пожелав брату спокойной ночи, ушла в свою комнату и легла спать. Но услышанное слишком взволновало её. Мысли вихрем носились в голове, напрочь прогнав сон. Юля вылезла из кровати и, подойдя к открытому окну, стала смотреть в тёмную июльскую ночь. Звёзды, усеявшие небо сплошняком, как это редко бывает в средней полосе России, мерцали и переливались, а затем, как и всегда, когда Юля пристально смотрела

на них, начали кружиться, приближаясь и одновременно удаляясь каким-то непостижимым образом. Почти загипнотизированная этим зрелищем, она долго стояла, не шевелясь, не слыша трещавших вокруг кузнечиков и даже не замечая – тёплой или прохладной была ночь. Мысли, с таким грохотом носившиеся в голове, пока Юля лежала в кровати, куда-то незаметно испарились, и сон начал одолевать её. Она вернулась к кровати и легла, уже почти спящая.

«Я стою рядом с каким-то человеком. Он намного старше меня, и он начальник. Он приказывает мне убить другого человека. Я отправляюсь выполнить это задание, но когда я подхожу к другому, понимаю – у меня к нему нет вражды. Убивать его я не хочу. Я разворачиваюсь и ухожу оттуда. Через некоторое время я возвращаюсь обратно к начальнику. Он укоризненно говорит мне: „Я же приказал тебе убить его, ну да ладно, я сделал это за тебя“ и видно, что он совсем не расстроен. В этот момент я замечаю рядом с ним лежащего на земле, еле шевелящегося в луже собственной крови, истерзанного, почти мёртвого человека с одним глазом – другой вырезан. Начальник показывает на примитивно нацарапанное лицо на листе гибкого пластика и говорит: „Это я достал у него, он не хотел говорить, где его спрятал, пришлось пытать. Есть три ключа к разгадке тайны, одним владеет он – вот этот рисунок, другим я – необходимо смазать кровью губы на рисунке, третий – у тебя, тебе нужно узнать, что делать с глазами. Есть ещё некто, его хозяин, он также связан с этим, но кто он, неизвестно, хотя он очень важен. Кстати, губы можно смазать хоть сейчас. Это ничего не даст, но просто очень интересно понаблюдать за тем, что произойдёт. Тем более что за кровью дело не станет. Вот, посмотри“. И он, наклоняясь, обмакивает палец в лужу крови и проводит по нарисованным губам. На них остаётся жирная красная полоса. Я сгибаюсь над рисунком, почти уткнувшись в него носом, и с огромным напряжением и интересом вглядываюсь в него, пытаясь предугадать, что же должно произойти. Секунд десять ничего не меняется, затем всё резко расплывается, и я не могу увидеть вообще ничего. Я отчаянно пытаюсь разглядеть маску, чтобы узнать, что же должно случиться, но тут…»

Юля широко открыла глаза. Когда она их закрывала, они ещё помнили свет звёзд, а сейчас уже взошедшее Солнце заливало комнату ярчайшим янтарным светом. Но на сей раз оно не смогло перебить впечатление от сна, как это произошло в прошлый. Все его события проходили перед Юлиным взором, как живые. Спать не хотелось уже совершенно, более того, ощущение огромной важности этого сна заставило её вскочить из-за внезапного прилива нервной энергии. Юля торопливо оделась и отправилась к брату, чтобы рассказать об этом сне.

Заглянув к нему в комнату, она с облегчением увидела, что Егор уже проснулся, но ещё не вылез из кровати.

– Привет, Юлька, с добрым утром! И что подняло тебя в такую рань? – жизнерадостно поздоровался он.

– Доброе утро, мелкий. Понимаешь, я даже не знаю с чего начать, – тут Егор заметил, что сестра явно озабочена, и уселся на кровати, серьёзно и сосредоточенно глядя на неё. – Слушай: месяца три назад мне приснился сон о болоте, о том, как оно пытается засосать птицу и та, с трудом вырываясь, улетает к Солнцу. Тут бы всё ничего, но сон мне приснился в первую же ночь после того, как мы увидели это место, причём, заметь, о болоте мы тогда ничего не знали. Я бы, скорее всего, забыла о нём, но сегодня ночью мне приснился ещё один, точнее даже не ночью, а только что, – и Юля подробно рассказала Егору этот странный и жутковатый сон.

Егор внимательно слушал, закрыв глаза, чтобы не упустить ни слова. Дослушав, он предположил:

– Может, ты наслушалась всяких историй, ведь и тогда Андрей говорил о каком-то проклятом месте, и сейчас, в этот раз, ты тоже слушала рассказы о всяких страшных вещах.

Юля с сомнением покачала головой.

– Знаешь, мелкий, я бы согласилась с тобой, если бы не два «но». Первое – я не обладаю, вообще-то, такой гипертрофированной реакцией на страшные истории. И второе – о болоте я узнала значительно позже.

– Совпадения? – предположил Егор.

Хмыкнув, Юля отозвалась:

– Всё может быть. Слушай, Егор, ведь ты пойдёшь сегодня в деревню?

– Ну да, конечно. Мы ещё вчера с ребятами договорились встретиться.

Коснувшись брата рукой и настойчиво глядя на него, Юля сказала:

– Егор, у меня к тебе огромная просьба, пожалуйста, постарайся узнать об этом болоте всё, что сможешь, очень тебя прошу. Абсолютно всё, что сможешь: точные сведения, предположения, слухи, любой бред, который только могут нести люди – важным может оказаться абсолютно всё, что угодно.

– Хорошо, Юль, я обещаю.

Также они договорились пока ничего не рассказывать ни Марине, ни Андрею и спустились к завтраку.

– О, вот и Мангусты, как всегда вместе, – весело поприветствовал их Андрей, сидящий с чашкой кофе за столом.

В этот момент в столовую вошла Марина, неся поднос со свежевыпеченными пирожками, вокруг которой крутилась Машка, на только ей одной понятном языке уговаривая маму поделиться одним из них.

– С добрым утром, ребята, рано вы сегодня. Кстати, какие у вас планы на сегодняшний день? – поставив поднос на стол и выкладывая пирожки в глубокую тарелку, поинтересовалась Марина.

– А мы, оказывается, очень вовремя встали, – заметила Юля, – что же касается твоего вопроса, то я собиралась сегодня сначала поработать, потом помочь тебе по дому. А к вечеру сходить с малявками погулять, а то сейчас слишком жарко. Егор же отправляется к друзьям в деревню.

– Ты собираешься лепить днём? – удивилась Марина. – Сама же сколько раз говорила, что днём у тебя ничего не получается.

– Хочу попробовать на свежем воздухе, под каким-нибудь деревом и сравнить результат. Не попробуешь – не узнаешь, – пожала плечами Юля.

Завтрак закончился, и все разошлись заниматься своими делами. Юля вышла вместе с братом, говоря:

– Слушай, мелкий, я пойду гулять с щенками около семи вечера. Если ты что-то узнаешь и не будешь занят с друзьями – приходи, погуляем вместе, расскажешь всё, что удастся выяснить.

Егор согласился и на этом они расстались.

Не было ещё шести, когда он вернулся обратно. Егор поискал Юлю и обнаружил её вместе с Мариной, расставляющей книги по полкам в книжных шкафах. Он уже открыл было рот, чтобы рассказать всё, что узнал, но, увидев палец сестры, прижатый к губам, осёкся, вспомнив об уговоре. Вместо этого он предложил им помощь.

Приблизительно через час они убрали на место последнюю книгу и смогли вырваться на прогулку, а заодно, разумеется, получили возможность поговорить.

– Слушай, Егор ты не обижайся, – начала разговор Юля, – это не потому, что я такая вредная. Просто я не хочу, чтобы они раньше времени узнали. Дело в том, что нас держат за несмышлёных детей, и я не хочу говорить им ничего, пока мы сами не узнаем побольше. Вот когда у нас на руках будут какие-то факты, тогда и поговорим. Хотят взрослого разговора, пусть получат. Не смогут же они закрыть глаза на очевидное.

А в том, что эти факты раздобыть удастся, Юля была уверена – уж очень взволнован был брат – взволнован и, как ей показалось, встревожен.

– Юль, кажется, в твоих снах что-то есть! – нервно заговорил Егор. – Я тебе сейчас по пунктам изложу всё, что выяснил: первое – те пропавшие. Всё, оказывается, гораздо интереснее, чем рассказал Андрей. Среди тех, кто бывал на этом болоте, причём, заметь, только среди тех, несколько человек сошли с ума. Мне так толком не рассказали, в чём дело, возможно взрослые больше знают. Так вот, некоторые из тех, кто сошёл с ума, ночью ушли на болото и не вернулись оттуда. То есть не все вместе, а по очереди. Один, через три месяца другой, ещё один – через год.

– А когда это было?

– Ну, один лет 10 назад, весной, остальные – сама посчитай. Вообще, их было больше – и раньше уходили, и недавно было два случая, точнее, один ушёл и пропал, а за другим начали следить и схватили на выходе из деревни. Он тоже шёл в сторону болота. Ребята говорят, он был совсем невменяем, ничего не понимал, а когда пришёл в себя, начал биться в истерике и кричать. Его увезли в дурдом. В деревне и сейчас есть несколько таких человек, только они пока никуда не ходили. Кстати, когда того увезли, он стал почти нормальным. И никуда ходить больше не ходил. Вообще перестал быть лунатиком.

– Слушай, мелкий, если всё так страшно, чего же они вообще туда шляются?

Юля настолько внимательно слушала Егора, что, пролезая под низко склонившейся веткой дерева, забыла сразу разогнуться. А, выпрямившись, она в изумлении посмотрела на брата, будучи не в силах понять, как местные жители при их отношении к болоту отваживались туда соваться.

– Да, понимаешь, там, говорят, ягод полно, грибов, а днём совсем не страшно. – Егор пожал плечами и, помолчав немного, сказал, – да и с ума сходят отнюдь не все. Это как в Бермудском треугольнике – с большей частью всё отлично и только с немногими случается такое.

– Неужели совсем не страшно ходить туда днём? – с удивлением спросила Юля, так как услышанное её довольно сильно насторожило, а довод Егора о выборочном сумасшествии не выглядел убедительным совершенно.

– Нет-нет, утверждают, там днём совершенно спокойно, на болоте даже тропинки есть, – заверил Егор, – а вот ночью туда никто не пойдёт и под страхом смертной казни. Кстати! – воскликнул он, вспомнив, – и это второе: сейчас туда вообще не ходят. Дело в том, что за этим болотом поселились какие-то странные люди. Их никто не знает – кто они, откуда, но к тем, кто проходит рядом с этим местом, где они обосновались, они относятся… – Егор замялся, пытаясь подобрать слова, – не то чтобы плохо, но их там слишком много и, когда они видят чужака, то выходят и смотрят, пока он не уйдёт. Люди боятся и поэтому больше не ходят туда.

Он взъерошил волосы и в который уже раз за эти два дня посмотрел в сторону болота.

– В-третьих, – снова заговорил он, медленно и задумчиво, – рассказывают, что с этим болотом всегда было связано что-то жуткое – что уже при христианстве тут продолжали жить язычники, приносящие человеческие жертвы, что их деревня внезапно исчезла. Здесь же жил, говорят, помещик, который был хуже Салтычихи и не попал под суд только потому, что исчез. А его крепостные почти все были им замучены до смерти. Кстати, – усмехнувшись, Егор бросил взгляд на сестру, – вроде как его заброшенная усадьба до сих пор стоит неподалёку от этого болота. И, вообще, знаешь, Юль, я же буду поступать в институт через год. Если получится, попробую разыскать какие-нибудь документы, связанные со всем этим.

– Егор, я думаю, надо обо всём рассказать нашим, – озабоченно сказала Юля.

Брат кивнул, и они повернули на тропинку, ведущую к дому, осторожно обходя крутящихся под ногами щенков.

Вернувшись домой, они решили отложить разговор до окончания ужина. После ужина Мангусты, как и предыдущим вечером, прошли в гостиную, только на сей раз настроение

и у Юли, и у Егора было совсем другим. Войдя в комнату, Юля сразу же включила большой свет, посмотрела на супругов и, убедившись, что её будут внимательно слушать, подробно изложила всё увиденное и услышанное.

Андрей отреагировал первым:

– И о чём же это говорит? – задал он вопрос и сам же на него ответил, – ровным счётом ни о чём. В каждой местности найдётся как минимум один такой объект, о котором среди аборигенов будут ходить всякого рода легенды. Людям нравится бояться, и ничего удивительного в этом нет.

– Но, Андрей! – воскликнула Юля, с недоумением глядя на зятя. – Местные жители действительно боятся этого болота и боятся не на шутку, причём все, ты же сам это видел, не мог не видеть! Кроме того, как ты объяснишь эти случаи сумасшествия и исчезновения людей? Ведь одного из них остановили, когда он ночью как сомнамбула шёл к болоту.

– Как я уже сказал ранее – ровным счётом ничего не значит. Это несомненный результат близкородственного скрещивания. У местных жителей просто очень неустойчивая психика. Неудивительно, что побывав на болоте и наслушавшись разных историй, кое-кто из них становится не совсем нормальным. А во сне, когда сознание почти отсутствует, бразды правления берёт подсознание, которое и заставляет их идти на болото – ведь все о нём только и говорят. А утонуть на болоте ночью очень легко. Вот и вся разгадка.

– Андрей, ответь мне только на один вопрос – ты неопровержимо знаешь, что психика этих людей была неуравновешена и что эти близкородственные браки имели место быть? – напряжённо глядя на него, спросила Юля.

– А как же иначе? – с великолепной уверенностью заявил Андрей. – Чтобы в деревне удалось этого избежать – абсолютно исключено. А нормальный человек не пойдёт в сомнамбулическом состоянии ночью на болото. Так что совершенно очевидно, что я прав.

Юля нахмурилась.

– Знаешь, это какая-то вывихнутая софистика – ты хочешь, чтобы ты был прав, и поэтому ты уверен, что ты прав. Ну ладно, оставим это. А как быть с моими снами?

– Совпадения, – убеждённо сказал Андрей.

– Юленька, ты же художник, творческий человек, – вступила Марина, – естественно, что ты обладаешь повышенной восприимчивостью. Ты послушала страшные истории, и тебе приснились эти сны.

– Но болото! – воскликнула Юля, – но пытки, но жертвенная кровь!

– Во-первых, – наставительно заговорил Андрей, – о жертвенной крови в твоём сне не было сказано ни слова, во-вторых: о чём вообще могут говорить сны – только о том, что ты *уже*, – слово «уже» Андрей особо подчеркнул, – что ты уже видела или слышала и ни о чём больше. Так что и болото и пытки не более чем совпадение.

По комнатам все расходились недовольные и раздражённые друг на друга. Точнее говоря, старшие на младших и наоборот.

– Это же надо было так нафантазировать на пустом месте! – негодовал Андрей.

– Это же надо быть такими твердолобыми! – возмущалась Юля. – Слушай, мелкий, каких-то 2—3 месяца и мы уже сможем сами начать исследовать те места. Но это просто удивительно – этого нет потому, что я так хочу, – она всё не могла успокоиться, а затем замолчала, задумавшись, и вскоре резко произнесла, – вот что, надо узнать, кто из психологов занимался изучением снов, купить книги и почитать. Вдруг обнаружится что-нибудь интересное.

– Вообще-то, – неуверенно предложил Егор, – Фрейд изучал сны.

– Ну да, изучал, – Юля с сомнением потёрла нос, – но только как-то очень однобоко, насколько я знаю, я не уверена, что нам подходит. Ладно, я подумаю, повспоминаю всё, что когда-либо слышала. Чёрт! – в сердцах воскликнула она, – и спросить не у кого, никто ничего не знает и что хуже всего, почти никто и знать не хочет!

Лето, как водится, очень быстро закончилось. Наступил дождливый, холодный сентябрь. Ничего особо интересного за это время не произошло и все, освоившись на новом месте, продолжали жить и действовать, как привыкли в своей жизни. Естественно, если не считать появившихся новых возможностей. Андрей всё свободное время проводил на рыбалке, надеясь рано или поздно вернуться домой с большим уловом. Марина – в окружении своих цветов, которых на участке появилось несметное количество. Машка, сильно вытянувшаяся за лето и отчасти освоившая нормальный человеческий язык, узнала на участке каждую ямку, корешок и холмик, из-за которых ей случалось падать, и научилась их обходить. Егор, за лето перезнакомившийся со всей окрестной молодёжью, 1 сентября начал свой последний год обучения в школе. Можно было бы сказать – в новой, но считать эту школу для него новой можно было бы лишь условно, так как он уже знал всех, кто там учится, почти всех, кто учит и даже осмотрел место, где происходит обучение.

А Юля с нетерпением ждала того момента, когда щенки подрастут настолько, что с ними можно будет уходить далеко. Загадка болота непрерывно действовала ей на нервы, а невозможность пока приступить к её разгадке выматывала до предела.

Юля постепенно приучала Ангару и Алтая к долгим прогулкам, в процессе убедившись, что, во-первых, им надо обязательно брать еду, во-вторых, им ещё более обязательно нужен отдых со сном как минимум один раз за прогулку, и, в-третьих – по ночам заснуть они не могли, так как сильно нервничали. Одного такого раза, когда они с Егором решили прогуляться ночью, хватило за глаза. Сначала щенки радостно прыгали вокруг и гонялись друг за другом, затем решили отдохнуть и плюхнулись на землю поспать, как делали много раз, но заснуть не смогли. Как ни пытались Мангусты успокоить малышей: и гладили, и говорили с ними, и пытались накрыть одеждой головы, но всё было безуспешно – щенки не спали, а раз не спали, то и не могли отдохнуть. Промучившись около часа, Мангусты поняли, что домой их надо нести на руках. Щенов решили нести посменно – тот, кто нёс Ангару менял её на Алтая и наоборот (Алтай хоть и был на три недели младше, но весил килограммов на 10 побольше). Словом, до дома они еле дотащились, проклиная всё и сразу и в особенности дурацкую идею потащиться ночью с такими маленькими щенками.

Дома они рухнули в кресла, чувствуя, как болят их спины, а руки и ноги не в состоянии удержать хоть что-нибудь, и зареклись высовывать нос из дома ночью до тех пор, пока щенки не подрастут достаточно для преодоления всей дистанции на своих четырёх и без отдыха.

А пока Юля с возрастающим нетерпением ждала того дня, когда они всё-таки смогут дойти до болота. И этот день наконец наступил. Щенки уже спокойно могли отгулять часов пять, нуждаясь только в двух-трёх кратковременных перерывах на отдых, и с ними можно уже было пройти до болота и обратно не боясь, что они залягут спать вплотную к нему. Естественно, что о прогулках в тёмное время суток речь пока не шла. События той ночи накрепко врезались в память обоих.

Мангусты вышли из дома и отправились на первую встречу с объектом, царящем в их мыслях уже не первый месяц. Нетерпеливое ожидание, радостное возбуждение, нервозность и страх заставляли их мышцы подрагивать и вызывали лихорадочный блеск в глазах. С большим трудом и Юля, и Егор убеждали себя идти мерным шагом. И только вид щенков, бегущих рядом, и мысль, что от высокой скорости они могут утомиться аккурат у болота, помогали им сдержать порыв и не перейти на рысь.

До места они добрались без приключений задолго до заката. По дороге Юля наметила план действий – они, если это получится, обойдут болото по периметру, не приближаясь к нему вплотную, но и не отходя слишком далеко. Им хотелось, насколько это возможно, рассмотреть всё внутри, не залезая туда непосредственно, благо конец сентября предоставлял им такую возможность. Конечно, трава ещё пока оставалась высокой, но листва уже начала опадать, а берёзы

вообще в полном составе стояли голые, да и другие деревья существенно поистрепали свои наряды. К тому же, как выяснилось, на болоте не было больших разлапистых деревьев, а многие из находившихся там уже много лет как умерли и в принципе не имели листвы. Чахлые искривлённые кустарники первыми не справились с подступившим похолоданием и по мертвенному виду сравнялись со своими давно погибшими собратьями, хотя и продолжали цепляться за жизнь. Немногочисленные живые деревья, с их сильно поредевшей листвой, не могли создать надёжный заслон от любопытных взглядов. Болото было невелико, достигая в размере едва ли гектара, и сейчас, в это время года, оно просматривалось почти насквозь.

В полном объёме выполнить план не удалось: болото, с двух сторон окружённое полем, а с третьей примыкавшим к нему лесом, с четвёртой переходило в начинающее мелеть и зарастать озерцо. А так как само озерцо, в свою очередь, заканчивалось непролазными зарослями тесно сплетённых кустарников, растущих из воды, стало ясно, что с той стороны пройти не удастся. И Мангусты решили осмотреть хотя бы то, что можно, а в кустарники пока не лезть, отложив их осмотр до более подходящих времён.

В сопровождении щенков, которые хоть и значительно подросли, но оставались совсем ещё нескладными и голенастыми, они несколько раз прошлись по полю вдоль края болота туда и обратно. Мангусты внимательно рассматривали каждый его клочок в надежде увидеть что-то интересное, но обнаружить ничего не могли. Освещённое Солнцем, чётко прорисованное, просматривающееся насквозь, это болото и на первый и на второй, да и на любой последующий взгляд выглядело совершенно обычным. Разве что очень унылым, но в этом не было ничего удивительного – на фоне ярких медно-зелёных сосен и золотистого поля с вкраплениями цветов, ещё не увядших к этому времени, больные, умирающие и мёртвые чёрные деревья, растущие на болоте, и не могли выглядеть иначе.

Побродив вокруг да около, Мангусты решили в конце концов отправиться обратно. Около дома они увидели Андрея, который открыл ворота и уже собирался снова сесть в машину, чтобы завести её в гараж. Заметив ребят, он обрадовался и махнул им рукой жестом одновременно и приветствующим и подзывающим, остановившись рядом с дверцей машины.

Мангусты подошли вплотную и вопросительно посмотрели на Андрея, на лице которого легко читалось удовлетворение от столь удачной встречи. Сходу он задал вопрос:

– Ребята, я надеюсь, вы помните Стаса?

Юля и Егор дружно кивнули, удивившись, правда, а он-то тут с какого бока. Заметив их недоумение, Андрей принялся объяснять:

– Дело в том, что по роду своей деятельности я довольно часто с ним встречаюсь. Кроме того, я испытывал к нему интерес и ранее, а после его трудов по оформлению нашего участка могу откровенно сказать, что он стал моим другом. Не далее как сегодня днём я имел с ним интереснейшую беседу, в ходе которой зашла речь о вашем болоте.

– Вообще-то, оно не наше, – пробормотала себе под нос Юля.

– Прошу прощения, я не расслышал – что ты сказала? – вежливо осведомился Андрей.

Юля пожала плечами.

– Да так, ничего особенного.

– Отлично, в таком случае я продолжу. Как я уже сказал, у нас состоялся разговор. Оказалось, Стас интересуется всякого рода паранормальными явлениями, и он спросил, не можете ли вы сходить с ним на это болото. Если вы не против, на следующие выходные я приглашу его к нам в гости. И вы сможете совершить ваше увлекательное путешествие.

И, ожидая ответа, Андрей замолчал, с лёгкой улыбкой глядя на Мангустов. Не получив ответ незамедлительно, он принялся выстукивать пальцами по окну своей машины какой-то причудливый ритм и стал наблюдать за щенками, бродящими поблизости. Юля же, отведя Егора в сторону, тихо заговорила:

– Слушай, мелкий, я думаю, будет неплохо, если ещё пару раз мы сходим туда одни, пока не залезая внутрь. А со Стасом попробуем осмотреть болото непосредственно изнутри.

Егор идею одобрил и, вернувшись к Андрею, Мангусты сказали, что будут рады, если Стас приедет, и с удовольствием сходят с ним на болото.

Меньше чем за неделю, оставшуюся до приезда Стаса, они действительно успели дважды побывать там, с каждым разом всё ближе и ближе подбираясь к болоту, но обнаружить что-нибудь необычное так и не смогли.

Наступил октябрь, солнечный и тёплый, но листва с деревьев облетела уже совершенно, и они стояли чёрные, тонкие, с заметным теперь филигранным переплетением ветвей. Словом, совершенно неотличимые от той растительности, что обитала на болоте, которое сейчас, в этом припозднившемся бабьем лете, уже не выглядело столь же мрачным и тоскливым, каким предстало в первый раз.

– Знаешь, Егор, – с мрачным видом заметила Юля, в который уже раз всматриваясь в болото в надежде обнаружить хоть что-то необычное, – я уже начинаю склоняться к мысли, что это не Андрей такой твердолобый, а мы с тобой два паникёра и идиота, а он абсолютно прав. Мы тут крутимся уже не первый день и хоть бы что-нибудь случилось. Вот-вот, ты посмотри, как оно радостно сияет на Солнце, как медный грош, будто какой подарок получило!

Тут Юля всё же слегка преувеличила – даже несмотря на такое не по-осеннему яркое Солнце, болото всё же радостным не выглядело.

– Юль, а может, оно наелось и спит? – предположил Егор.

– Ага, точно, как медведь в спячку впало. Только не рановато ли – октябрь только начался?

– Юль, но ведь сейчас же день, а все деревенские сходятся на одном – днём оно абсолютно безопасно. По всей видимости, если мы хотим что-то обнаружить, нам надо прийти сюда ночью.

– Может быть, ты и прав. Но что-то мне пока не хочется лезть сюда в темноте. Во всяком случае, пока Ангара и Алтай не станут старше. И вообще, тоже мне нечистая сила, ему днём что – светло, что ли, слишком, пугать неинтересно? – Юля задумчиво нахмурилась. – Странная какая-то закономерность, какая ему разница – день или ночь?

– Ладно, Юль, давай дождёмся приезда Стаса и заберёмся, наконец, внутрь, вдруг там обнаружим что-нибудь интересное, – успокаивающе сказал Егор, которому не меньше сестры не хотелось расставаться с мыслью о том, что здесь что-то происходит.

Стас, как всегда, был пунктуален. («Под калиткой стоял, с часами наперевес!» – бросив взгляд на время, прошептала Юля брату, с трудом удержавшемуся от смеха.) Он приехал, как и обещал, в восемь часов вечера в пятницу, так что вполне возможно, Юля была и недалека от истины.

Андрей встретил друга у дверей и провёл в гостиную, где собралась уже вся семья. Марина готова была поздороваться с гостем и поинтересоваться, не голоден ли он, как странное поведение дочки заставило её закрыть рот, не сказав ни слова.

Спокойно сидевшая на полу и сосредоточенно игравшая в кубики Маша внезапно заплакала, подбежала к маме и спряталась за неё, уткнув лицо в Маринину спину. Секунд десять все ошеломлённо молчали. Наконец Марина пришла в себя и огорчённо обратилась к Стасу:

– Вы уж извините, пожалуйста. Машенька у нас редко видит чужих людей, вот и испугалась. Завтра, я думаю, она немного привыкнет к вам и будет вести себя как обычно.

Эти слова разрядили напряжённую атмосферу. Юля и Егор с облегчением и излишне радостно поздоровались со Стасом, желая загладить неприятный инцидент, после чего Андрей проводил его сперва в ванну, а затем и в столовую, поужинать.

На следующее утро выяснилось: Маша, хоть уже и не плачет при виде Стаса, но явно избегает общения с ним. Марина и Андрей, посовещавшись, решили, что их ребёнок непозволительно одичал, и постановили – два раза в неделю вывозить её в людные места.

– А вы сможете пойти на болото? – озабоченно глядя в окно, спросила Марина. Она в этот момент подошла к нему закрыть форточку, распахнувшуюся от порыва ветра, а следующим порывом ветер бросил ей в лицо ледяную водяную пыль. Поёжившись, Марина наглухо закрыла форточку и вернулась обратно к камину, наслаждаясь теплом, волнами плывущим от оранжевого огня, горящего в нём. Яркий электрический свет, потрескивающий огонь и тепло в комнате, в которой собрались все без исключения обитатели дома, резко контрастировали с отвратительной промозглой погодой на улице.

И в самом деле, короткое бабье лето уже закончилось, и октябрь сорвался с катушек, вытащив теперь из закромов почти нулевую температуру, низкое грязное небо и бесконечный моросящий дождь. День был какой-то мутный, тоскливый и совершенно не располагающий к прогулкам.

Мангусты и Стас подошли к окну, обречённо всматриваясь в неприглядную даль – казалось, что этот мелкий, занудный дождь смыл почти все краски, оставив только серую и коричневую. А у мокрых предметов не было ни сил, ни желания блестеть, отражая свет. Да и света было не сказать, чтобы очень много, также какого-то вялого и болезненного.

– Что делать, надо идти, другой-то возможности не будет, – тяжко вздохнув, отозвался Егор. – И так задержались, только к вечеру до него доберёмся.

– Раз решили, надо выполнить, – с тоской глядя на улицу, не особо убеждённо поддержала брата Юля.

Стас вынес окончательное решение:

– Завтра я уже уезжаю и когда смогу выбраться сюда ещё раз – неизвестно, а скоро начнётся зима, и туда уже вообще не доберёшься. Надо идти сейчас.

– Раз так решили, то, конечно, идите, только скажите время возвращения – я приготовлю к этому часу горячую еду, – отозвалась Марина, сочувственно глядя на них.

Посовещавшись, Мангусты и Стас сошлись на пяти часах прогулки.

Отправились они, надев на себя как можно больше непромокаемой тёплой одежды, но идти пришлось всё равно очень быстро – настолько холоден, промозгл и сыр был воздух. Казалось, что, забираясь внутрь тела, он превращает его в дрожащий водянистый студень.

К болоту шли молча и энергично несколько километров, пока наконец не согрелись настолько, что смогли поговорить, и Стас засыпал Мангустов вопросами. Те рассказали ему всё, что узнали, в том числе и о собственных попытках обследовать болото. Стас заметно обрадовался, узнав, что они там ещё не были.

– Люблю быть всегда и во всём первым! – весело сказал он.

Вскоре показалось болото. Не самое жизнерадостное и в солнечную погоду, сейчас, в середине осени, оно выглядело на редкость неприглядно. Листьев не было на деревьях уже давно, а траву, ещё неделю назад высокую, прибило дождём. Даже на фоне мутного серого неба и горизонта, теряющегося в дымке бесконечной мороси, болото выглядело каким-то чужеродным образованием. Кривые, чёрные деревья, кустарники, растущие спутанными клубками, и проплешины мест, на которых не росло ничего – всё это выглядело настолько безрадостно и одиноко, что даже день в сравнении с ними оказался не таким тоскливым, каким предстал в начале прогулки.

Мангусты и Стас невольно огляделись по сторонам в попытке найти хоть какие-то более приятные взгляду объекты. И то, что им не удалось сделать, глядя на улицу из тёплой и ярко освещённой гостиной, легко получилось сейчас. Болото было лишено какой-либо жизни и красок до такой степени, что, казалось, даже дождь там не сыпался на землю, а медленно сползал,

просачиваясь сквозь вязкий воздух. На этом фоне остальная природа оказалась удивительно яркой. Находящийся по левую руку лес был рыжим и зелёным из-за сосен, прямо перед ними рос куст травы почти огненного цвета (огненного на фоне болота, конечно), а вдоль леса тянулась полоса жёлто-бежевого подлеска. Даже небо, ещё минуту назад бывшее мутным и грязным, оказалось, состоит из очень красивых облаков разных оттенков серого.

– Да-а, вот что значит – всё познаётся в сравнении, – глубокомысленно протянула Юля. – Если бы не то, что дорога туда-обратно занимает почти четыре часа, плюнула и просто ушла бы домой.

Ни Егор, ни Стас также не испытывали страстного желания влезать на болото. Даже щенки не проявляли особого энтузиазма: Ангара легла, повернувшись к нему хвостом, а Алтай, похоже, был бы не прочь уйти оттуда как можно быстрее.

– Ну, что ребята пошли, – проговорил Стас, но в сторону дома всё же покосился.

– Пошли, – нехотя отозвались Мангусты, а Юля добавила, – осталось метров сто, надо малявок взять на поводки. Не хватало ещё, чтобы они влезли куда-нибудь не туда.

И, взяв щенков, они с деланной бодростью отправились к болоту. К слову, щенки никакой бодрости не проявляли вообще, более того, они начали нервничать настолько, что зубы их отчётливо застучали, тем не менее шли они, не упираясь.

Когда до болота оставались каких-то 50 метров, людей охватила странная нервозность. Она не достигала уровня явного страха, но становилась с каждым шагом всё заметнее. При этом, странное дело, возникало ощущение, что источник страха находится позади, а на болоте, наоборот, спасение. По щенкам определить, почувствовали они это или нет, было невозможно, так как их нервозность и до этого была очевидной.

Подчиняясь этим ощущениям, люди непроизвольно ускорили шаг, и вплотную к болоту им действительно стало гораздо легче. Они остановились на границе болота и поля, и Стас неожиданно заметил:

– Во-первых, я отмечаю здесь одну странную вещь – обратите внимание, какая чёткая граница.

Мангусты растерянно переглянулись. Они уже несколько раз бывали у болота, но так и не обратили на это внимание.

– Во-вторых, – продолжил Стас, – я старше, я вас сюда затащил и, как я уже говорил, люблю быть первым. Поэтому идти вперёд мне.

Собственно, спорить с ним никто и не собирался. Бросив взгляд на Юлю, Егор слегка пожал плечами, подняв брови, а Юля в ответ коротко кивнула. Это был не тот случай, когда они стали бы настаивать на собственных правах первооткрывателей. Желает идти первым – флаг ему в руки.

Небольшое болото с немногочисленными тропинками обойти можно было довольно быстро. Стас осторожно шёл впереди, внимательно осматривая дорогу и тыкая в подозрительные места палкой, предусмотрительно отломанной от упавшего дерева. Какое-то время всё было спокойно и исследователи расслабились, но неожиданно Стас, вскрикнув, сделал дикий прыжок в сторону и неминуемо свалился бы в трясину, не наткнись он по дороге на мёртвую ветку. Ветка остановила движение, но ценой тому стала серьёзно пробитая кожа на голове. Мангусты в испуге бросились к нему. С трудом поднимаясь, Стас обернулся, и лицо его навсегда врезалось им в память. Абсолютно белое, с громадными глазами, казавшимися чёрными из-за расширившихся зрачков, нижняя челюсть слегка отвисла и половина, включая глаз, залита кровью, внезапно и обильно хлынувшей из раны, как это почти всегда бывает при травмах скальпа.

Подбежав, Мангусты сначала помогли ему подняться, затем отвели, а точнее, почти оттащили от края трясины. Юля предложила Стасу наклонить голову, чтобы кровь стекала на землю, а не заливала одежду. Вскоре кровотечение остановилось, и Стас попытался отмыть

хотя бы лицо, с опаской зачерпывая тёмную болотную воду. Егор взволнованно обратился к пострадавшему:

– Что произошло?

Какое-то время тот молчал, затем, запинаясь, произнёс:

– Я не могу толком объяснить, сам не понимаю. Я просто осторожно шёл вперёд и вдруг такое ощущение, что… – на этих словах Стас запнулся, пытаясь точнее сформулировать мысль, – внезапный приступ паники, как будто что-то жуткое возникло у меня под ногами и сейчас меня сожрёт. А когда уже прыгнул – понял, что лечу в трясину. Хвала ветке, если бы не она… – и Стас поёжился, глядя на непроницаемое чёрное зеркало, едва не поглотившее его.

Юля постояла немного, размышляя над тем, что он сказал, и предложила:

– Надо идти цепочкой, держась друг за друга и за поводки. В этом случае, если что-то случится с одним, двое других смогут его вытащить. А если больше, чем с одним… – заканчивать фразу она не стала.

– Кроме того, – добавил Егор, – посмотрите – Солнце ещё не должно было сесть, а как темно, настоящие сумерки. Нельзя терять времени, надо выбираться как можно быстрее.

Слова эти были разумными и тут же, растянувшись цепочкой, или, скорее, четырнадцатиногой гусеницей, вся компания двинулась к ближайшему выходу из болота. И снова, едва они вышли на поле, возникло давящее напряжение, почти страх, пытающийся заставить их вернуться обратно на болото. Пришлось брать себя буквально за шкирку, чтобы уйти от этого места. Через несколько десятков метров ощущение прекратилось.

– Не знаю, что может заставить меня ещё хоть раз пойти туда! – яростно выкрикнула Юля, остановившись и оглянувшись на болото. Её потрясывало от пережитого волнения и предельного напряжения последних метров пути до поля, когда им казалось, что в любой момент твёрдая тропинка под ногами превратится в трясину и засосёт их. – Вот уж, действительно – Чёртово болото!

Возмущение её было вполне понятно – она не терпела чувства бессилия, а там, на болоте, все они ощутили себя маленькими, слабыми и ничего не могущими противопоставить той силе, что таится внутри. И потому к возмущению была примешана изрядная доля страха.

И Стас, и Егор, не сговариваясь, одновременно обернулись бросить взгляд на это неуютное место. Теперь оно им казалось не безжизненным и тоскливым, а, наоборот, исполненным некой жуткой силы. Мёртвые деревья выглядели как гнилые, обломанные, но всё ещё очень острые зубы, жаждущие живую плоть, тёплое мясо, которое они могли бы перемолоть.

– Настоящий безумный глаз с зубами, – выразил общее впечатление Егор, – не знаю, правда, как такое может быть, но это он и есть.

И это было так.

Как первую часть пути к болоту, так и первую часть от болота шли молча, переваривая случившееся, и нескоро Стас решил прервать молчание:

– Интересно, и чем это может объясняться? Неудивительно, что местные жители боятся этого места.

– Может быть, какие-нибудь газы производят такой эффект, сродни наркотикам? – предположила Юля.

– Мальчишки в деревне уверены, что там живёт водяной. Он заманивает к себе людей и поедает их, – сообщил Егор.

– Нет, никаких водяных не существует, – категорично отверг эту версию Стас.

– Ну как же не существует, – укоризненно сказал Егор, – если ты с ним чуть было лично не познакомился.

Юля расхохоталась.

– Точно, – сквозь нервный смех выдавила она, – и доказывал бы тогда ему, что его не существует!

Напряжение отпустило их, и они развеселились. Ощущение пережитой опасности и то, что её удалось счастливо избежать, если не считать порванной кожи, ударило им в головы, как шампанское. Нервное возбуждение вырвалось наружу и проявилось в излишне оживлённой беседе и чрезмерной жестикуляции.

Стас оказался прекрасным собеседником и по дороге к дому успел рассказать несколько увлекательных историй с собственной персоной в качестве главного героя оных. Истории, правда, вызывали некоторые сомнения в их достоверности, но Мангусты решили не обращать на это внимание.

Марина и Андрей, встретившие их дома, выслушали всё с нескрываемым интересом, от всей души посочувствовав Стасу, причём Марина, заметившая рану, охнув, чуть было не села мимо стула. Её, с детства не выносившую вида крови, всегда охватывала слабость в подобного рода случаях. Затем Стас отправился в ванну, чтобы привести себя в порядок, и обитатели дома, дождавшись его, вместе прошли в столовую. Разговоры о случившемся продолжились и за едой, но ни к какому мало-мальски убедительному выводу никто не пришёл.

На следующее утро Стас уехал домой.

Мангусты уединились в комнате Егора, пытаясь определить, как им действовать им дальше.

– Я думаю, так, – начала Юля, – пока Ангара и Алтай не станут достаточно большими, я хожу только здесь. На болото мы больше не лезем. Рядом с ним проходим только днём и при Солнце. Когда щены подрастут: например, весной, можно будет зайти за болото и посмотреть, что там находится.

– Юль, план хороший, не спорю, но как ты думаешь – оно живое? – несколько тревожно спросил Егор.

Юля покачала головой.

– Мелкий, честное слово, я не знаю. То, что там произошло, может объясняться чем угодно. Я не хочу гадать. Наступит весна, и тогда мы сможем вплотную заняться исследованием окрестностей болота. Может быть, найдём там какие-нибудь подсказки.

Закончилась осень, и пришедшая ей на смену зима Моррой уселась на весь обозримый мир ледяным задом, на протяжении долгих месяцев не приподнявшись ни разу. Всё вокруг теперь стало не чёрно-коричневым, а белым и застыло, ожидая прихода весны.

И вот наступила долгожданная весна.

Глава 2

И вот наступила долгожданная весна. С её приходом природу вновь наполнило ликование пробуждающейся жизни. Сводящие с ума запахи талого снега, начавшихся двигаться соков деревьев, что медленно пробуждались от спячки, и тёплого ветра с юга, пахнущего цветами и травами, растекались по окрестностям, бесцеремонно проникая повсюду. Трава, стряхнувшая с себя зимний могильный сон, вновь стала жадно тянуться к Солнцу. Словом, картина была поистине идиллической, но… Этой же весной начали пробуждаться, тянуться и проникать повсюду и совсем другие события.

Иные – странные и непонятые, иные – пугающие или даже наводящие ужас, а какие-то просто смертельно опасные. Раз пробудившиеся, эти события растянулись на несколько последующих лет и властно проникли в жизнь Мангустов, заставив их повзрослеть, и навсегда изменили их отношение к жизни и смерти. Только для того, чтобы получить шанс выжить, им пришлось лицом к лицу столкнуться с тем, существование чего они раньше даже не могли себе представить.

– Я вам всем объявляю совершенно официально: я – клиническая идиотка! Так и запишите.

Юля объявила это, едва спустившись утром в столовую, в которой уже собралась вся семья, вкушая завтрак, заботливо приготовленный Мариной. Четыре пары глаз с изумлением посмотрели на неё. Первым слово взял Андрей:

– И тебе доброго утра. Позволено ли мне будет осведомиться – что послужило причиной столь яростной самокритики?

– Позволено-позволено, осведомляю – только последняя кретинка могла догадаться, что надо делать зимой, чтобы можно было спокойно гулять, тогда, когда снег и так уже почти сошёл!

– И что же это?

– Снегокат!!! Надо купить снегокат и укатывать дорожки, по которым можно спокойно ходить, вместо того чтобы таскаться по уже осточертевшим тропинкам в районе деревни или с трудом продираться по снежной целине, тратя час на то, чтобы преодолеть сто метров.

– Юля, я не согласен с твоим решительным причислением себя к сонму идиоток. Светлая мысль, пришедшая тебе в голову, полностью опровергает это. Так что присоединяйся к нам, бери эти замечательные плюшки и утешай себя мыслью, что ты осуществишь свою прекрасную идею будущей зимой.

И Юля незамедлительно последовала этому превосходному совету, благодарно кивнув Марине, плюшки которой, как и всегда, были изумительны.

Во время завтрака Мангусты тихо переговаривались, определяя план действий на ближайшую неделю, так как у Егора начинались каникулы. В их бормотании чуткое ухо Андрея услышало несколько раз прозвучавшие слова «болото» и «исследовать» и он тут же отреагировал.

– Молодые люди, возможно, это будет небезынтересная для вас информация о некоем любопытном и печальном совпадении. Наш общий знакомый Стас сообщил мне в личной беседе, что посещение болота оказало на него весьма сильное воздействие. Ему стали сниться кошмары, появляются мысли, которые он никоим образом не может счесть своими, депрессивное настроение с мыслями о суициде, а также изредка случаются кратковременные потери сознания. Не исключено, что это некоторым образом связано с вышеупомянутым болотом. Скорее всего, на его психику столь печальным образом подействовал тот несчастный случай. Сильный и неожиданный испуг, к тому же сопровождающийся физической травмой, может

привести, насколько мне известно, к подобным последствиям. Я предложил ему обратиться к психотерапевту, надеюсь, он последует моему совету.

В течение всего монолога Андрея Мангусты, не отрываясь, смотрели на него, а едва Андрей окончил говорить, Юля напряжённо спросила:

– А какого рода эти его кошмары?

– Он не может ничего определённого сказать на эту тему, так как попросту их не помнит. Стас говорил мне, что он внезапно просыпается с колотящимся сердцем, с ощущением неизъяснимого ужаса. Всё, что он может сказать – ему кажется, что он находится в каком-то страшном месте, а рядом присутствует жуткое нечто, желающее его поглотить. Просыпается Стас с ощущением, что оно всё ближе и когда-нибудь осуществит своё намерение.

Марина решительно вмешалась в разговор:

– Андрей, ты ведёшь себя как ребёнок. Что за манера рассказывать с утра пораньше страшные истории? Ты что, хочешь, чтобы мы потом весь день собственной тени пугались? Кроме того, здесь же Машенька. Не хватало ещё, чтобы ей кошмары начали сниться.

И действительно, Машка сидела с испуганным и очень заинтересованным видом, раскрыв рот и со страстным любопытством слушая всё, что говорил папа.

Марина прекрасно знала о том, что детям приблизительно с трёх лет (а Маше уже было два с половиной) начинают сниться кошмары и они, до этого не боящиеся ничего, пугаются тёмных комнат, приоткрытых шкафов и щелей под кроватями. И ей совершенно не хотелось ускорять наступление этого периода и усиливать его проявления.

Знавший об этом ничуть не хуже жены Андрей сокрушённо хлопнул себя по лбу ладонью и, извиняясь, кивнул Марине. Чтобы замять неприятную ситуацию, супруги быстро заговорили на какую-то отвлечённую нейтральную тему.

Мангусты молча и в задумчивости закончили завтрак и, прихватив собак, впервые в этом году отправились к болоту продолжать исследования, прерванные из-за наступления зимы. Идя по полю, простирающемуся сразу за воротами их участка, они с удовольствием следили за собаками, что носились кругами от переполнявшего их избытка энергии.

За прошедшие несколько месяцев несуразные щенки превратились в великолепных молодых собак. И хотя было ясно, что им ещё только предстоит достигнуть максимальных размеров и мощи, уже сейчас это были собаки, способные одним своим видом остановить большую часть злоумышленников. Белая короткошёрстная, хотя и с пушистыми штанами и хвостом Ангара, при росте в холке около семидесяти сантиметров, была очень массивной и коренастой, с широченной грудью и мощными лапами. Выдающийся интеллект и мгновенная скорость принятия решений делали её как великолепным другом, так и очень опасным врагом. Буро-тигровый Алтай, огромный и лохматый, возвышавшийся над ней, как сторожевая башня над крепостной стеной, несмотря на свой ярко выраженный лидерский характер, был намного послушней Ангары, в которой сидел целый легион бесов противоречия. Алтай же почти никогда не спорил с решениями Юли, за исключением тех случаев, когда он был убеждён в собственной правоте. Например, однажды, когда Мангусты, уже в конце зимы, гуляя с одной Ангарой, заблудились в лесу, они были вынуждены обратиться к ней за помощью. Ангара спокойно вывела их к дому. Но с тех пор Алтай, хотя и не присутствовавший при этом случае и ранее безоговорочно доверявший Юле при выборе маршрута, стал отказываться идти в направлении, выбранным той, если видел, что она не знает, где находится, а указанное направление ведёт не к дому. Как охранник, он также был идеален. Словом, Юля могла спокойно уходить с ними куда угодно и днём и ночью, не боясь ни неизвестных мест, в которых можно заблудиться, ни чьего бы то ни было нападения.

Вся четвёрка шла через поля, отделённые друг от друга небольшими перелесками, и чувствовала себя так, как, должно быть, чувствуют грязные, мутные, закопчённые окна, которые вдруг кто-то отмыл, и выяснилось, что они прозрачные, сияющие и прозревшие.

Снег на полях уже совсем почти сошёл и если остановиться, можно было увидеть, как горячее апрельское Солнце вынуждает остатки его освобождать один за другим новые участки земли. А если сесть на корточки, можно было рассмотреть структуру снега, похожую на ярко блестевшие рваные зернистые кружева. С каждой секундой эти кружева истончались всё больше и больше, временами с тихим шорохом обваливаясь вниз, когда не выдерживали их веса слишком растаявшие снеговые подпорки. Капли воды насквозь пронизывали этот талый снег, переливаясь на Солнце всеми цветами радуги, в то время как сам снег излучал ровное серебристо-белое сияние.

Мангусты шли по мокрой чёрной земле, проваливаясь при каждом шаге на несколько сантиметров вглубь. Их одолевали смешанные чувства: с одной стороны, наступившая весна не могла не вызывать восторга, радостного возбуждения и ощущения вновь обретённой свободы. А с другой – то, что они услышали этим утром от Андрея, заставило их сильно насторожиться и даже слегка испугаться. И сейчас по дороге к болоту они озабоченно обсуждали тот разговор.

– Как ты думаешь, со Стасом случилось то же самое, что и с некоторыми жителями деревни, бывавшими на болоте? – мрачно спросил Егор.

– Очень на это похоже, – отозвалась Юля, – и лично меня интересуют две вещи: первая – что же это вообще такое, и вторая – может ли это проявиться у нас?

– Знаешь, Юль, я боюсь, что пока мы не узнаем ответ на первый вопрос, мы не сможем ответить и на второй.

Юля усмехнулась, бросив на брата быстрый взгляд.

– В одном случае сможем, – уверенно сказала она.

– Это в каком же? – насторожился Егор.

– Если это всё же случится с нами.

– Типун тебе на язык, – недовольно сказал брат и, сплюнув трижды через левое плечо, постучал себя по голове. – Тебе не мешало бы постучать также, – буркнул он.

– Надо же, какой ты суеверный, – с интересом заметила Юля, – кто бы мог подумать.

– Суеверный-несуеверный, не буди лихо, пока оно спит тихо, тем более что мы уже недалеко от болота.

– Скажи, мелкий, а ты действительно веришь, что там и в самом деле живёт водяной? – спросила Юля с искренним любопытством.

– Ну нет, в водяного я не верю, но что-то там точно есть.

– Очень может быть, – задумчиво согласилась сестра. – Кстати, предлагаю обойти болото слева и войти в лес, а там определимся, куда идти.

– А подойти к нему ты разве не хочешь?

– Честно? Не особенно. Но ты прав, мы его несколько месяцев не видели и надо проверить, как оно там.

– То-то и оно-то, – отозвался Егор, – но, с другой стороны, сейчас весна, тепло, Солнце и что бы ни происходило, во всякие ужасы как-то не особо верится.

– Твоя правда, мелкий, – согласно кивнула Юля, – с большим трудом.

Некоторое время они шли молча, просто наслаждаясь весенним теплом, но неожиданная мысль выдернула Юлю из этого благодушного состояния.

– Слушай, мелкий, – медленно заговорила она, тревожно нахмурившись, – помнишь, ты говорил, что у тех, кто уезжает, всё прекращается. Стас уехал, но это ничего не изменило.

Егор остановился как вкопанный.

– А ведь действительно! – воскликнул он, начав двигаться снова. – Ты права, что-то тут не так. – Глядя себе под ноги и что-то тихо бормоча, Егор погрузился в глубокие размышления. Через минуту он поднял голову и посмотрел на сестру. – У меня есть предположение, – заговорил он, – я же общался только с детьми и подростками, но не со взрослыми…

– Ты хочешь сказать, – перебила его Юля, – что твои знакомые передавали тебе то, что слышали от взрослых, а те утаивали от них информацию?

Егор молча кивнул.

– Но зачем? – с недоумением спросила Юля. – Какой в этом смысл? Ведь чем больше дети боятся, тем меньше вероятности, что они полезут на болото.

Пожав плечами, Егор сказал:

– Кто знает, какие у них были цели. Сходим в деревню и сами пообщаемся со взрослыми.

– Обязательно, – решительно сказала Юля. – Это необходимо разъяснить.

Прихватив собак, Мангусты стояли у Проклятого болота и неподвижно смотрели на него.

– Удивительно мирный вид у него сегодня, – тихо заговорила Юля, – смотришь и не веришь в то, что о нём говорят.

– Наелось человечины и спит, – без улыбки отозвался Егор.

Юля резко обернулась к брату.

– Странные у тебя шутки.

– Я не шучу. Просто я не рассказывал тебе, но ещё один человек ушёл вчера ночью.

– Из заражённых? – тихо спросила Юля, заранее зная ответ.

Егор кивнул.

– Почему молчал?

– Не знаю, не мог заставить себя рассказать.

Юля сделала глубокий вдох и сказала:

– С этим надо что-то делать, это же кошмар какой-то. Ты можешь со мной спорить, Егор, но его надо уничтожить.

– Я не стану с тобой спорить, – ответил брат, – что бы здесь ни было, такая жуткая штука просто не имеет права на существование.

– Да. Ладно, пошли отсюда.

Лесная опушка уже полностью освободилась от снега и была усеяна тут и там ярко-жёлтыми цветами мать-и-мачехи, воздух прозрачен и чист, а не успевший ещё обрасти листвой лес просматривался далеко-далеко, и было видно, что и в глубине его снег почти растаял, поэтому Мангусты решили зайти как можно дальше. Несколько минут все шли вперёд, и тут Алтай впервые в жизни проявил реакцию, которая, как позже им удалось узнать, оказалась крайне важна для Мангустов. Спокойно рысивший впереди, он внезапно остановился, настолько резко, что в то время как передние лапы уже встали, задние ещё продолжали двигаться, и его развернуло боком. Юля удивлённо посмотрела на него, не понимая в чём дело: замечательная погода, светлый лес, Ангара спокойна, как танк, а Алтай проявляет явные признаки нервозности и неуверенности. И что ещё более странно – категорически не желает идти вперёд. Юля и Егор, не останавливаясь, прошли мимо Алтая, причём Юля, проходя, потрепала его по холке, но Алтай не обратил на это внимания. Он стоял, всем видом показывая, что хочет уйти отсюда, и немедленно. Но так как Мангусты продолжили двигаться дальше, Алтай был вынужден последовать за ними, правда, своим путём. Делая приличный круг, он пошёл, держась параллельно им на расстоянии примерно метров восьмидесяти.

Юля остановилась и стала с недоумением смотреть на Алтая. Несколько секунд она не сводила глаз с него, идущего кругом, продирающегося через заросли, через снег, пятнами лежащий ещё кое-где, лишь бы не идти там, где так спокойно, ничего необычного не чувствуя, находились остальные. Покачав головой, Юля обернулась к брату с выражением полного непонимания на лице:

– И какая муха его укусила? Я ещё могу понять, была б то Ангара – её хлебом не корми, дай залезть в какую-нибудь грязь или заросли, но Алтай… Да он с детства тропинки виртуозно находил, и фиг его спихнёшь в сторону.

– Понятия не имею! – не менее удивлённо воскликнул Егор.

У Мангустов впереди было ещё время, чтобы убедиться в том, что у них живёт собака с фантастическим и безошибочным чутьём на опасность. Не всегда эта опасность была непосредственной, она могла быть потенциальной или даже в принципе не могущей проявиться. Как пример – Алтай, с огромным интересом наблюдающий за ящерицами и крупными дождевыми червями, при виде ужа проявил явное желание оказаться как можно дальше от него. Сам по себе уж безвреден, разве что очень вонюч, но это змея. А любая неизвестная змея может быть смертельно опасной. Приближающуюся грозу он чувствовал часа за три, и никакая сила, кроме чувства долга, не заставила бы его выйти на открытое место. Не факт, что молния обязательно попадёт именно в него, но вероятность этого существует всегда. В укрытии же он чувствовал себя совершенно спокойно. Помимо очевидных вещей, он ощущал много такого, что было скрыто от других, даже его собратьев, но тем не менее существовало.

Но об этом Юля и Егор узнали значительно позже, а сейчас они с удивлением и интересом говорили о том, что же могло случиться с Алтаем. Увлечённые беседой, Мангусты мало на что обращали внимание, но очень скоро обнаружилось нечто, заставившее их всё же присмотреться к месту, в котором они оказались. Не успели они пройти и ста метров, как увидели то, что заставило их застыть на месте – перед ними находилась могила. Возможно, ей была не одна сотня лет. Её, эту могилу, можно было бы вообще принять за какой-нибудь холмик, если бы не чёткая геометрическая форма. Выпуклый прямоугольник земли хоть и был сильно сглажен временем, оставался всё же достаточно заметным и узнаваемым.

Мангусты почувствовали себя неуютно. Не то, чтобы они боялись кладбищ, но в таком радостном весеннем лесу неожиданно наткнуться на человеческое захоронение – не каждый сможет отнестись к этому спокойно.

Как выяснилось, могила эта была не единственной. Юля и Егор осмотрелись по сторонам и обнаружили, что стоят, по сути, почти посреди импровизированного кладбища. Не наступи они практически на эту могилу, вполне возможно, что прошли бы насквозь, вообще не заметив его. Могилы были расположены без какого-либо плана, где придётся. Скорее всего, их копали там, где было удобно, а ограды, если когда-либо существовали, давно уже истлели, многократно возродившись травой.

Расположение этого хаотичного стихийного кладбища в лесу, вдали от любого жилья, было настолько странным и диким, что Мангусты решили осмотреть каждую могилу в надежде найти ответ на вопрос – кто же здесь похоронен и почему.

Разделившись, они принялись тщательно осматривать каждый прямоугольник в поисках какой-нибудь подсказки. Некоторое время спустя их усилия были вознаграждены. Егор подобно гончей собаке, идущей по следу, обходил могилу за могилой, разве что не уткнувшись в них носом, и на одной он обнаружил почти вросший в землю, покрытый прошлогодней травой и заросший мхом камень. Замахав руками, он подозвал к себе сестру и прошептал, бессознательно понижая голос:

– Похоже, это надгробный.

Аккуратно вытащив камень и освободив его от травы и крупных комьев земли при помощи подручных средств, в кои, помимо веточек, вошли и его собственные рубашка и ногти, Егор принялся тщательно очищать камень. Через минуту сосредоточенной работы на одной стороне этого валуна, заставив Мангустов моментально занервничать, стала проявляться надпись. Тщательно сняв с неё землю, Егор пробормотал:

– Не идеальна, но всё же хоть что-то, да видно.

Надпись сильно пострадала от времени, но даже тех крох информации, которые Мангустам удалось получить, разобрав отдельные её фрагменты, хватило, чтобы разгадать тайну происхождения этого кладбища. С трудом разобрав почти стёршиеся буквы и цифры, Егор смог прочитать:

«… раб Божий… (имя разобрать не удалось) пытан до смерти барином…» дальше текст был не разборчив абсолютно. С трудом можно было разглядеть только цифры – то ли 1765—1790, то ли 1706—1780 или, может, ещё какие-то другие, но главное было понятно – здесь нашли последний приют крепостные безумного помещика.

Бережно поставив камень на место, Мангусты какое-то время стояли в молчании, подавленные тем, что узнали, понимая, какое количество страданий, боли и ужаса пришлось вынести этим людям, прежде чем смерть освободила их, подарив им покой.

– Помнишь, – заговорил Егор, – я ещё прошлым летом рассказывал, что в деревне ходят разговоры о помещике, который был хуже Салтычихи, всю свою деревню извёл. Вот это, очевидно, их могилы и есть.

Юля кивнула. Почти вживую она ощущала то, что пришлось испытать этим людям перед смертью, и лицо её было искажено как от физического страдания. Покачав головой, она с силой провела ладонью по лицу и сказала:

– Да, мелкий, я помню. Только я думаю, что это было неофициальное кладбище – крепостные хоронили своих замученных родных тайком, возможно, по ночам. Видишь – могилы расположены как попало, да и камень есть только на одной. Похоже, они боялись, что помещик узнает о кладбище. Я бы даже не стала исключать, что камень поставил какой-то сбежавший крестьянин после смерти помещика. – Она снова покачала головой. – Какой же надо быть больной тварью, чтобы не только замучить такое количество людей, но и лишить их возможности быть похороненными по-человечески.

Егор оторвал взгляд от камня и посмотрел на сестру.

– Ты права, – кивнув, сказал он. – Земля, скорее всего, не освящена, и они похоронены не со всеми полагающимися обрядами, а как самые отъявленные преступники. По всей видимости, он хотел их лишить даже возможности райской жизни после смерти. – Егор представил себе, что же это мог быть за человек, и его передёрнуло от отвращения. – Как же хорошо, – с чувством заявил он, – что крепостное право было уничтожено.

Юля хмыкнула и заметила:

– По историческим меркам совсем недавно, можно сказать, вчера.

– А Алтай, ты видела, так и не подошёл ни разу за всё это время? – неожиданно спросил Егор.

– Да, обратила внимание, стоит чёрт знает где, метрах в ста от нас, а ведь Ангара спокойно лежит рядом. Странно всё это, странно и непонятно. И, Егор, если ты не против, предлагаю идти отсюда

Подавленные увиденным, Мангусты отправились дальше вглубь леса. Каждый из них с тяжёлым чувством представлял, какие же страдания пришлось пережить похороненным здесь людям, и мрачное предчувствие вползло в их души, основательно устроившись там и пустив корни.

Мангусты уже довольно долго шли по лесу, местами проваливаясь по колено в снег, местами перелезая через завалы из упавших деревьев, а кое-где продираясь через мёртвые нижние ветви елей, переплетающихся в непролазные стены, и начали уже не на шутку мечтать об открытом месте. К тому же, если бы не Солнце, они бы вообще не знали, в каком направлении движутся, и близость ночи пугала их не на шутку.

– Так нельзя, – нервничая, заговорил Егор, – мы можем в любое время суток оказаться в незнакомом месте, нельзя же всегда полагаться на собак – их просто может не быть рядом. Нам необходимо научиться ориентироваться по звёздам.

Юля кивнула. Нервничала она не меньше брата, и его идея показалась ей на редкость здравой.

– Обязательно! Хотя бы знать, где Полярная звезда. Клянусь, когда вернёмся домой, сразу же выясню это.

А Солнце уже опускалось к горизонту, наполняя мир красноватым свечением, обещающим хорошую погоду на следующий день, когда Мангусты всё же увидели просвет между деревьями, а чуть погодя, к тому же, вышли на хорошо утоптанную тропинку. Они пошли по ней с чувством радостного облегчения, ощущая, как за спиной выросли крылья, и несколько минут спустя вышли к пригорку или, скорее, холму, со всех сторон окружённому лесом. Тропинка взбегала на его вершину, и Мангусты, решив не спорить, пошли по ней и вскоре с радостью заметили, что деревья с противоположной стороны холма расходятся, открывая взгляду поле.

После нескольких часов прогулки по неизвестному лесу, притом, что ночь уже стремительно мчалась с востока, накрывая по пути землю, большим облегчением было понять, что они выходят к знакомому месту. Все ускорили шаг, желая как можно быстрее оказаться на поле, когда случилось то, что долго потом вспоминалось Мангустами с ощущением ирреальной жути.

Только лишь поднялись они на этот холм, как их заставил подпрыгнуть в испуге сиплый лай, похожий, скорее, на придушенное хрипение. Лаяла какая-то собака, невидимая до этого, а сейчас выскочившая из-за куста. Ей в ответ раздался страшный и глухой звук – вой и лай нескольких десятков других собак, причём звук этот доносился, как с ужасом поняли Мангусты, из-под ног, заставляя дрожать холм.

А затем начали появляться люди. Появляться в прямом смысле слова из-под земли. Неотличимые друг от друга фигуры в одинаковых коричневых балахонах с капюшонами, полностью скрывающими лица. На капюшонах имелись только небольшие прорези для глаз и больше ничего. И эти фигуры начали стягиваться вокруг них в полном молчании. Одна из фигур подошла к хрипящей, рвущейся с привязи собаки и взяла её за ошейник. Мангусты на мгновение застыли, ошеломлённые, затем Юля вцепилась в Алтая, стоявшего ближе к ней, а Егор схватил Ангару.

Первоначальный испуг у Юли прошёл, сменившись холодной отрешённостью. Она поняла абсолютно ясно, что единственный их шанс выбраться отсюда целыми и невредимыми – показать, что они готовы сражаться за собственные жизни, и потому громко произнесла:

– Егор, бери палку, – хотя ни одной палки поблизости не видела.

Неожиданно одна из стоящих молчаливых фигур опустилась на землю, легла на спину, согнув ноги в коленях и начала бормотать что-то. Голова её, до сих пор скрытая капюшоном, медленно перекатывалась с боку на бок, но никто из балахонов не обратил на лежащего внимания. Юля и Егор, держа за ошейники собак, медленно пошли вперёд среди этих, похожих на гротескную почётную стражу людей. И Ангара и Алтай, в характерной для кавказских овчарок манере, в случае действительно напряжённой, но не угрожающей непосредственно ситуации, шли очень спокойно, оценивая ситуацию, внимательно глядя по сторонам, но не выделяя никого конкретно.

Люди в балахонах остановились, перестали стягивать кольцо. В этот момент Юля обратила внимание на три стоявших немного особняком фигуры, имеющие в отличие от остальных какие-то символы на своей одежде. Увиденное навсегда запечатлелось в её памяти: деревья впереди, пригорок, коричневые балахоны – всё сейчас стало оранжево-красным в свете заходящего Солнца и сводящий с ума контраст – воющие недра холма (собаки уже не лаяли – только

выли), хрипящая собака наверху и абсолютное молчание людей. Единственный, кто издавал хоть какие-то звуки, был тот, лежащий на земле и бормочущий.

Вдруг, словно повинуясь какой-то беззвучной команде, с той же неуклонной решимостью, с какой окружали, и столь же медленно, балахоны начали отступать. Но, отступая, они не поворачивались спиной к Мангустам и те чувствовали их взгляды, направленные на них из прорезей капюшонов. Напряжённые до такой степени, что у них ещё потом не один день болели мышцы, Мангусты ровным шагом продолжили идти по тропинке. Они спустились с холма, не оглядываясь, но жадно и отчаянно прислушиваясь – не движется ли кто-нибудь за ними. И только когда они отошли от подножия холма, войдя в сгущающуюся среди деревьев тень, рискнули обернуться. Пламенеющая верхушка холма была пустынна, исчезла даже собака. Очевидно, балахоны ушли обратно под землю, утащив за собой и того, бормочущего. Можно было бы решить, что всё это им привиделось, настолько мирной была картина, если бы не собаки – холм всё ещё продолжал выть, из самой глубины его рвались тоскливые звуки, похожие на плач проклятой души.

Задерживаться здесь никто не захотел и, ускорив шаг, почти перейдя на бег, они поспешили по тропинке, которая почти сразу повернула направо. Свернув, Мангусты увидели, что она разделилась на две – одна тропа уходила влево, другая – вправо. Алтай решительно выбрал левую. После случая с кладбищем спорить ним никто не стал и вскоре они вышли на поле. Правая же тропинка, как они смогли увидеть, метров через сто упиралась в болото.

До дома на адреналиновых крыльях они долетели очень быстро, не забыв, правда, по дороге обсудить происшедшее и решить, что родным ничего говорить не будут. Незачем расстраивать и пугать сестру, да и Андрея тоже, а сами они и так больше туда не сунутся.

Значительно позже Мангусты смогут узнать, как тесно будут связаны между собой и мёртвые на лесном кладбище, и эти жуткие безмолвные балахоны, и они сами, и какая, в итоге, общая судьба ожидает их всех.

На следующий день, очень неожиданно и очень одновременно, и до Юли, и до Егора дошла одна простая вещь – ведь правая тропинка вела не куда-то, а именно на болото! Или из него, как предположили они, нервно переглянувшись. Помимо этой тропинки, непонятно зачем ведущей к болоту, их заинтересовал и другой вопрос – что это были за люди.

– Пришельцы! – попытался было пошутить Егор, но, встретив укоризненный взгляд сестры, смущённо отвёл глаза.

– Ты обратил внимание на символы на троице, стоящей особняком слева? – спросила Юля.

– Нет, я в основном смотрел вправо.

– Странные символы. – Юля прикрыла глаза, вспоминая. – У того, что посередине, на животе белый крест с длинной вертикальной перекладиной и короткой горизонтальной. Слева к кресту примыкает чёрная буква К, смотрящая влево, справа – зелёная К, смотрящая вправо. Причём левая верхняя диагональ продолжается правой нижней и наоборот. Все диагонали и вертикальные перекладины белого креста соединяются в одной точке, пересечённой горизонтальной перекладиной. У того, кто стоял слева, была только смотрящая в обратную сторону чёрная буква К, у правого – нормальная зелёная К.

– И чтобы это могло значить? – нахмурившись, пробормотал Егор.

Юля покачала головой.

– Не знаю и, похоже, мы никогда не узнаем этого.

Но она ошибалась. Не прошло и недели, как Андрей принёс газету, из которой они смогли узнать первую часть истории секты.

Каникулы Егора ещё продолжались, и потому Марина, имея в своём распоряжении дополнительные руки, решила провести генеральную уборку дома.

– Весна, как-никак, а у нас в доме чёрт ногу сломит! – восклицала она, носясь из комнаты в комнату.

Справедливости ради надо сказать, что она сильно преувеличивала. Просто Марина органически не переносила какой-либо беспорядок и, заполучив возможность запрячь в работу сразу двух человек, не стала её упускать.

Так что когда Андрей вернулся из поездки, он увидел собственную жену, в азарте летающую по дому с тряпками и различными моющими средствами, счастливую из-за всей суматохи дочку и совершенно несчастных Мангустов, уже в пятый раз переставляющих тяжеленный диван. По мнению Марины, куда бы его ни ставили, он был не на месте, а где его место должно быть, Марина понятия не имела. К тому же, это была уже не первая подобная работа – заканчивался шестой час уборки. А когда Марина находилась в подобном состоянии, спорить с ней было бесполезно, она и боевого армейского генерала заставила бы выполнять её команды.

Вошедший Андрей, посмотрев на измученных Мангустов, благородно решил их спасти. Несмотря на не такую уж большую разницу в возрасте (особенно с Юлей) он испытывал к ним слабость, считая их почти что собственными детьми. И поэтому он торжественно вытащил из портфеля газету, припасённую к ужину, и громко заявил:

– Прошу вашего внимания, дамы и господа! У меня имеется любопытная информация, которую я готов предоставить вашему вниманию.

Внимание он незамедлительно получил самое полное. Все прекратили работу и уставились на него с интересом, ожидая продолжения. Даже Машка подошла поближе, чтобы не пропустить ни слова, хотя понимала своего папу ещё хуже, чем папа свою дочку.

– Полагаю, вы все помните о печально знаменитом Могильщике, – Андрей немного помолчал, ожидая реакции слушателей.

Марина согласно кивнула головой. Юля нахмурила лоб, пытаясь вспомнить, но в голове её копошились только бессвязные обрывки информации. Увидев это, Егор наклонился к сестре и шепнул: «Который людей живьём закапывал». И тут Юля вспомнила об этом действительно громком деле.

Андрей, убедившийся, что все помнят, продолжил:

– После двух лет молчания в психиатрической клинике он неожиданно для всех заговорил. Оказывается, Могильщик какое-то время состоял в секте и сейчас решил рассказать о прошлом и (sic!) будущем.

Он протянул газету вперёд. Мангусты, обрадовавшись, что получили отсрочку от каторги (а может, и полное освобождение) вцепились вдвоём в газету, едва не разорвав её пополам. Бросив беглый взгляд на заголовок, Марина произнесла:

– Я почитаю её за ужином, а пока мне надо закончить уборку, – и отправилась отдраивать какое-то и без того уже сверкающее место.

На такую реакцию, зная жену, Андрей и рассчитывал и теперь с чистой совестью мог заняться своими делами.

Статья была озаглавлена в чисто журналистском трескучем стиле: «Загадка Могильщика раскрыта! Заключённый психбольницы раскрывает страшные тайны!».

Юля и Егор, голова к голове, начали читать её:

«Уважаемые читатели, наша газета получила уникальную возможность взять эксклюзивное интервью у печально знаменитого Могильщика, молчавшего более двух лет. Читайте только у нас страшные подробности об этом деле, вызвавшие ужас у всех, кто хоть что-то слышал о нём. Для тех же, кто не слышал и для тех, кто позабыл (если такие найдутся. Прим. ред.) мы ещё раз расскажем о событиях, предшествовавших поимке зловещего убийцы.»

В этом месте Юля ненадолго отвлеклась от чтения.

– Как ты думаешь, мелкий, журналистов учат так писать или оно само у них так получается? – поинтересовалась она.

– Это ты о стиле? – уточнил Егор.

– Ага.

– Знаешь, я думаю, само. Это, наверное, как сцепленные гены – журналист и такой стиль.

– Вполне возможно, – согласилась Юля, и они вернулись к чтению.

«Наша газета два года назад подробно освещала эту историю. И сейчас мы практически полностью приводим здесь одну из статей, рассказывающую об этом страшном деле.

«Началось всё с того, что один прохожий, гуляя с собакой, обнаружил труп, зарытый в неглубокую могилу и раскопанный его четвероногим другом, с которым он проходил в то злосчастное утро по лесопарку. В сильном испуге он вызвал милицию. Приехавший наряд оцепил место, тело забрали для выяснения обстоятельств смерти, и обнаружилась душераздирающая правда – несчастный был похоронен заживо! То есть человека положили в могилу живым и задохнулся он уже под землёй. У убитого были связаны руки и ноги, во рту кляп. На голове следы удара тяжёлым предметом – очевидно, убийца предварительно оглушил жертву, связал, заткнул рот кляпом, а затем (от этого пришли в ужас даже видавшие виды милиционеры), по некоторым признакам удалось установить, что убийца дождался, когда оглушённый придёт в сознание, и только после этого закопал его.

Через несколько дней нашли ещё одну могилу, в которой лежал уже начавший разлагаться труп с теми же признаками, что и у первого. Затем ещё и ещё. Стало понятно, что в городе появился новый маньяк. Все москвичи и гости столицы две недели жили в непрерывном ужасе, боясь выходить на улицу и стать очередной жертвой зловещего убийцы, которого прозвали Могильщиком.

А новые могилы продолжали появляться. И наконец милиция под давлением общественности была вынуждена стянуть огромные силы, чтобы поймать преступника. Сотни вооружённых милиционеров с собаками прочёсывали все московские лесопарки, и вскоре трём стражам правопорядка улыбнулась удача – они не только обнаружили Могильщика, но и смогли спасти очередного закопанного им человека.

Вот как это произошло: трое патрульных с собаками шли по ночному лесопарку, когда им посчастливилось натолкнуться на человека, сидевшего на земле. Они подошли ближе и посветили фонариком, но человек никак на это не отреагировал. Зато милиционеры увидели, что этот человек сидит на краю свежезакопанной могилы. Выхватив оружие, они приказали ему лечь на землю, положив руки на голову. Но тот продолжал сидеть без движения. Тогда один из стражей порядка достал наручники и надел их на маньяка. Человек явно находился в каком-то трансе и ничего не замечал. Милиционеры посветили вокруг фонариками, обнаружили лопату и начали раскапывать могилу. В ней они нашли почти задохнувшегося, но ещё живого человека. Его срочно доставили в больницу, и на данный момент состояние пострадавшего можно считать удовлетворительным. Могильщика же сначала доставили в отделение милиции, но ещё по дороге он начал вести себя очень буйно, так что вскоре за ним приехала карета «Скорой помощи» и маньяка отвезли в психиатрическую клинику. В клинике ему сделали укол успокоительного, и он заснул, а, проснувшись, стал очень спокойным и молчаливым. Строго говоря, он вообще отказался говорить и до настоящего момента не произнёс ни единого слова.»

А теперь, уважаемые читатели, сенсация – после двухлетнего молчания Могильщик заговорил! Читайте только в нашей газете отчёт нашего корреспондента о посещении клиники, где закрыт Могильщик и эксклюзивном интервью с ним!

«Я подъехал к больнице, ожидая увидеть неприступную крепость, затянутую колючей проволокой, с частыми решётками на всех окнах и вооружённой охраной по периметру. Но в действительности всё оказалось совсем не так. Это было светлое здание, утопающее в зелени, а охрана стояла только на воротах. Приветливый санитар проводил меня в комнату, в которую должны были привести и Могильщика. Пока его ещё не было, я спросил у врача, собирающегося присутствовать при нашем разговоре, почему Могильщик вдруг заговорил.

Врач ответил, что, по словам больного, тот хочет донести до максимального количества людей некую жизненно важную информацию. А так как наша газета имеет самое большое количество подписчиков и покупателей, то, естественно, выбор пал на нас. В этот момент два санитара ввели Могильщика и посадили на стул, встав по бокам. А я с огромным интересом стал рассматривать знаменитого маньяка, убившего за две недели как минимум десять человек. Точное число его жертв неизвестно, так как говорить он отказался, а обшарить каждый кусочек московских лесопарков милиция не может в связи с нехваткой кадров.

Могильщик оказался высоким и тощим человеком с глубоко посаженными горящими глазами. Кожа на его лице изрезана глубокими морщинами и выглядит абсолютно бескровной. Рассматривая его, я задал интересующий меня вопрос: «Почему он нарушил свой обет молчания длившийся два года?»

Могильщик ответил:

– Со мной начала говорить Богиня, я смог услышать Её. И я теперь знаю – час Её пробил! Она уже идёт! Несколько лет я ждал её появления и вот, настало время, Она поднимается на поверхность.

– Скажите, а почему разговор с вашей богиней заставил вас заговорить с нами и кто она такая?

– Вы бессмысленные существа, и все вы обречены смерти, но я вас не виню. Я тоже когда-то был человеком и мне жаль вас. Великая Мать по имени Симаргл (Симаргл – древний славянский бог, а не богиня, предположительно иранского происхождения. Функции его весьма туманны, скорее всего, это божество земли и плодородия. Прим. ред.) решила вернуться, чтобы вновь править миром. В древнейшие времена Она передала власть Своему сыну, чтобы посмотреть, на что он способен. И сейчас, поняв, что сын не справляется, Она возвращается обратно.

– Скажите, кем вы теперь стали и почему мы все скоро умрём?

– Теперь я приближённый Великой Матери, и когда наступит конец света, а он уже не за горами, вы все погибнете. Но я хочу вам дать шанс на спасение. Вы подобны маленьким детям, которые ничего не знают, но считают себя всеведущими. Я уже спас двадцать три человека и спас бы ещё больше, если бы не те лишённые разума существа, что меня остановили. Слушайте же, Великая Мать Симаргл любит страдания Своих детей, жертва, принесённая Ей, тем более желанна, чем больше мучений было. Но всё это только ради того, чтобы потом принять страдающих детей в Своё лоно, окружив их любовью. Чем больше было страдание, тем большей любовью Она потом одарит. Её неблагодарный сын, возомнивший себя верховным богом, распустил мерзкие сплетни, называемые у людей религиями, в которых говорится, что он победил собственную Мать. Симаргл не мешала ему делать то, что он хочет, так как обещала дать ему время. Но теперь Её час настал! Великая Мать уже поднимается, и многочисленные знамения, предсказанные задолго до этого, предвещают близкий конец правления Её сына и возвращения Ею Себе всей власти. А, вернувшись, Она уничтожит все те мерзости, которые он создал, ложно объявляя их благами, и гнев Её падёт прежде всего на вас, людей, за то, что вы забыли о Ней, отвернулись от Неё, попираете Её ногами, выкрикиваете богохульные ругательства и поклоняетесь ложному богу, недостойному занимать своё место. Люди! Слушайте! У вас у всех есть только одна возможность войти в Царство Великой Матери – вы должны все, все закопаться в землю и дождаться, когда Симаргл примет вас в свои объятия! Не совершайте святотатства, откапывая засыпанных – Она вам этого не простит! На большее у вас нет времени. Вы не успеете достичь просветления до прихода Великой Матери. Единственный шанс для вас не сгинуть бесследно – живыми закопаться в землю. Чем больше вы будете мучиться, тем больше вас будет любить Великая Мать. Я был с каждым, спасённым мною, я чувствовал их смерть, я умирал с каждым из них и возрождался. Двадцать три раза я умер и возродился к вечной жизни, но двадцать четвёртый был безжалостно вырван из объятий Симаргл. Горе им, святотатцам, проклятие на них, да не войдут никогда они в чертоги Великой Матери!

Тут санитарам пришлось увести его на какое-то время, так как больной очень возбудился. Чуть позже его вернули обратно. Он снова был готов к продолжению разговора.

– О каких знамениях и предсказаниях вы говорили?

– Многие, многие предсказывали возвращение Великой Матери. Хоть люди и забыли о её существовании, но Она находила возможность напомнить о Себе. Ещё майя и ацтеки говорили, что в конце времён произойдёт величайшее землетрясение. Сейчас конец времён! Неужели вы настолько слепы, что не видите этого? Меняются эоны – рыба, бывшая под землёй, по водной дороге, проложенной водолеем, поднимется наверх, а водолей стечёт под землю. Меняются полюса земли, учащаются землетрясения – это просыпается Великая Мать, поворачивается с боку на бок, готовится выйти на поверхность. И в Библии об этом говорится: когда вострубил седьмой ангел – пришло царство Божие через землетрясения. И в Коране – «когда в конвульсиях земля забьётся и на поверхность бремя тяжкое своё извергнет и возгласит в отчаянии человек – что происходит с ней?» Великий мудрец Нострадамус, да будет он всегда в объятиях Великой Матери, провозгласил: «В год же 1999 месяц седьмой с небес спустится Король ужаса – презренный сын, он воскресит великого короля Анголмуа (Великую Мать Симаргл) и до и после Марса она будет править счастливо.» (Неверная цитата: у Нострадамуса сказано «он». Прим. ред.) Этот блаженный предсказатель указал не только год и месяц (годом он немного ошибся, 1999 уже прошёл. Прим. ред.), но и место, где выйдет на поверхность Великая Мать: «Огонь, вырвавшийся из центра Земли, сотрясёт окрестности великого нового города». Древний Великий Новгород – вот то благословенное место, место начала нового царствования нашей Богини!»

Юля и Егор, с интересом читавшие статью, переглянулись и какая-то смутная тревога, беспричинное беспокойство кольнули сердце. Словам этим они не поверили совершенно – Могильщик был явно безумен, но тем не менее гнетущее впечатление не оставляло их.

«В этот момент несчастный сумасшедший потерял сознание. С трудом его привели в чувство, но в полностью себя он так и не пришёл. Потому дальнейшую его речь, в силу её бессвязности, я передаю своими словами. Выяснилась трагическая и страшная история умопомешательства неуравновешенного человека, приведшая в итоге к гибели двадцати трёх ни в чём не повинных людей. Десять лет назад тогда ещё молодой Могильщик (оказалось, что он и сейчас значительно моложе, чем выглядит), одержимый духовным поиском, попал в одну из многочисленных московских сект. Несколько лет он состоял в этой секте, являясь её примерным прихожанином. В секте же этой с ним, как и с остальными рядовыми сектантами, проводили тщательную работу по промыванию мозгов. Очень скоро молодой человек привык мир вне секты считать враждебным, угрожающим и греховным. Зато внутри секты он чувствовал себя как в раю, не замечая, что становится практически рабом верхушки. Так продолжалось какое-то время до тех пор, пока в секте не появился новый человек. Он пришёл позже и поначалу был таким же истовым прихожанином. По всей видимости, это был достаточно широко, но очень поверхностно образованный человек с сильной склонностью к мании величия. Читая разные книги, он узнал, что гностики (раннехристианская еретическая секта. Прим. ред.) верили, что мир создал неудачливый демиург – дьявол, с разрешения верховного бога. Также, начитавшись различной религиозной литературы, он узнал о разнообразных богинях-матерях, побеждаемых своими сыновьями (например, Тиамат, побеждённая Мардуком. Прим. Ред.), и решил, что постиг всё знание мира. Он создал собственную религию, в которой верховным и, по сути, единственным божеством была богиня-мать Симаргл, она же Великая Мать, породившая всё сущее. Долгое время она правила миром, а затем, доверив управление своему сыну, ушла спать в глубины земли. Сын же, подобно Фаэтону, получив власть, не справился с ней, испортив почти всё, что сделала до него Симаргл. И теперь, в соответствии с предсказаниями и знамениями, ей пришло время просыпаться. Этот человек, назвавший себя жрецом Великой Матери, привлёк сначала двух приверженцев, объявив себя и их тремя частями богини, воплощёнными

на земле, дабы подготовить мир к её приходу. Один из приверженцев назывался Левый Жрец или Смерть, другой – Правый Жрец или Жизнь, как символы порождающего и уничтожающего начал Великой Матери. Он же – Верховный Жрец или Решающий – как уравновешивающий и связующий принцип между Жизнью и Смертью. Своего рода сознание Великой Матери Симаргл. Втроём они начали набирать последователей, поверивших в их религию и скорый конец света и желающих спастись. Через короткое время в рамках только этой секты им удалось набрать несколько десятков человек, в том числе и Могильщика. Но вскоре произошёл конфликт с руководством, и новая секта, зародившаяся в чреве прежней, вышла на свободу. Пришло им время разработать ритуалы. Их стало всего два. Ритуал посвящения и ритуал жертвоприношения. Эти сектанты были убеждены, что единственный путь к спасению – это смерть заживо, сначала духа, потом тела. Для этого надо было отрешиться от всего земного и от себя самих. В знак этого они носили одинаковые коричневые (в цвет земли) балахоны, скрывающие их тела и лица».

В этот момент газета оказалась слегка порванной в нескольких местах – Юля и Егор, вместе державшие её, отреагировали совершенно одинаково и совершенно бессознательно – резко сжали кулаки.

«Адепты не должны были отличаться друг от друга. Исключение составляла только „Несвятая троица“ – как представители богини на земле, они носили знаки отличия – символы, обозначающие смерть, жизнь и их объединение. (Цветной рисунок символа см. в конце статьи. Прим. ред.)».

А в этот раз газету чуть не разорвали до конца – оба одновременно бросились искать символ. А когда нашли, всё что смогла сказать Юля, было:

– Ну ничего себе!

Егор же только присвистнул.

«Секта арендовала один большой дом, куда переехали все вместе. Посвящение неофитов шло по определённому сценарию. Решающий вырезал ножом на животе у обнажённого посвящаемого символ их секты. Неофит надевал белый балахон и ложился в могилу, предварительно выкопанную лично им. Левый Жрец, Смерть, закапывал его, оставляя возможность дышать. Через некоторое время Правый Жрец, Жизнь, откапывал новопосвящённого члена секты. Решающий вручал ему коричневый балахон и новичок должен был совершить жертвоприношение – закопать живыми трёх собак и птицу, связанных вместе, в одной могиле. Это было так называемое Великое жертвоприношение Посвящённого. В дальнейшем в жертву мог приноситься кто угодно, кроме людей. Единственное, но обязательное условие – жертва должна была быть закопана живой. Кстати, именно на почве выбора жертв и произошёл раскол между сектой и Могильщиком, который настаивал, что людей приносить в жертву необходимо. Могильщик утверждал, что Великая Мать сама берёт себе какую-то часть людей, например, во время землетрясений, лавин или наводнений. Он считал, что люди, погибшие таким образом, возрождаются в лоне Великой Матери. Сектанты же были уверены, что для истинного возрождения жертва должна быть добровольной. Это было то, что они делали сами: отрешались от мира, занимались самоистязанием, выдерживали длительные посты, а секс был строжайшим образом запрещён. Но самое главное – по нескольку часов в день они проводили, лёжа в земляных гробах, достигая таким образом, по их мнению, просветления и объединения с Великой Матерью. Секта разрасталась, их стало уже несколько сотен человек, когда они внезапно исчезли, незадолго до этого изгнав из своих рядов Могильщика. Очевидно, они перебрались в какое-то другое место, ждать приближающегося, на их взгляд, конца света. Кстати, секта эта не бедствует – они продали несколько квартир, принадлежавших одиноким сектантам.»

На этом, уважаемые читатели, мы заканчиваем рассказ о посещении нашим корреспондентом психиатрической клиники и общении с Могильщиком. Но помните, где-то рядом

с вами обосновалась эта страшная секта, и какого ещё Могильщика может она породить, ведает одна Великая Мать Симаргл!»

Мангусты сидели, долго и бессмысленно глядя друг на друга. Наконец, покрутив головой, Юля заговорила:

– На иные вопросы ответы получаешь очень быстро… – и умолкла.

– Да уж! – выдавил Егор, – знаем мы, где эта секта обосновалась и, сдаётся мне, теперь они сами подумывают перейти на людей.

– Очень на то похоже, мелкий. Одно могу сказать точно – дуракам везёт. Кстати, надо, наверное, сообщить о том, что они здесь? – неуверенно продолжила Юля.

– Не знаю, – отозвался Егор, – боюсь, что если пойдут их забирать, то погибнет куча народу – ты же видела, какие они. А ведь так-то туда никто не ходит, только мы по глупости влезли.

– А ты уверен, что никто не ходит? – с напором спросила Юля.

– Абсолютно, – уверенно ответил Егор, – деревня здесь единственная, хуторов больше нет, а местные как огня боятся того места. Рассыпь там сокровища капитана Флинта – и то не пойдут.

– А если какие-нибудь туристы?

– Во-первых, их здесь нет, во-вторых, может, они людей и не трогают, нас-то не тронули, и, в-третьих – может пострадать намного больше людей. Идти-то придётся мимо болота, а что там – неизвестно. И как оно подействует на людей, тоже неизвестно. – Егор пожал плечами. – В конце концов, эта секта здесь уже два года, а ещё никто не пропал, если не считать тех, кто заразился на болоте, но это совсем другое дело.

– Наверное, ты прав, мелкий, но сердце у меня не на месте. Я просто не знаю, как быть. И так не так, и этак не этак.

– Давай подбросим монетку, – предложил Егор, – орёл – рассказываем, решка – нет.

– Хорошо, давай, – согласилась Юля.

Выпала решка.

За ужином Андрей спросил у Мангустов, как им статья.

– Ничего, интересная, – вежливо ответила Юля.

Глава 3

Поздно вечером Юля постучала к брату. Ей никак не давала покоя мысль о секте на болоте, и хотя они перекинули ответственность по принятию решения на плечи высших сил, идея замалчивать информацию представлялась ей всё же не совсем верной. Егор, уже лежавший в кровати с книгой, крикнул сестре, что дверь открыта. Не успев войти, с места в карьер Юля заявила:

– Завтра идём в деревню.

Брат отложил книгу и недоверчиво уставился на неё.

– Зачем? Завтра же первое мая, праздник, по деревне будут шататься толпы народа, все выйдут на улицу. Ты же терпеть не можешь, когда много людей. Или я что—то проморгал, и ты сильно изменилась?

– И отлично, что праздник и толпы людей. Это просто то, что надо! – с жаром сказала Юля.

Егор изумился до такой степени, что просто раскрыл рот и закрыл его снова, не найдя слов. Он в прямом смысле потерял дар речи.

– Нет, ты не думай, я не сошла с ума, – заметив его удивление, пояснила сестра.

Подойдя к кровати, Юля села на край и принялась объяснять:

– То, что столько людей в одном месте соберётся, означает, что нам не придётся много бегать. Дело в том, что я хочу пообщаться с народом и выяснить всё, что им известно о болоте, о тех странных людях и о тех, кто заболел, побывав там.

– А зачем? – этот вечер явно проходил для Егора под девизом: «Всему удивляться». – Ведь я это уже сделал и всё узнал, помнишь, ещё прошлым летом?

– Это так, – согласилась Юля, кивая, – но не совсем так, точнее, не до конца. Есть же разногласия между тем, что тебе сказали твои знакомые, и тем, что сообщил Андрей, да и тем, что мы узнали сами. Ты общался только с подростками, а я хочу поговорить со взрослыми и, кроме того, необходимо получить более подробную информацию, особенно о тех, кто был на болоте и заболел. Ведь не со всеми это происходило, а, наоборот, пострадала только небольшая часть. Надо узнать всё о том, как это было: что произошло на болоте, когда начались проблемы, постоянны ли они или нет, было ли что-то странное в людях непосредственно перед тем, как они уходили. – Юля задумчиво сузила глаза. – Ведь не сразу же это происходило, мог пройти и не один год.

– Ну да, – пробормотал Егор, – то, что я слышал, очень много лет могло пройти между тем, как человек заболевал и как уходил.

– Вот-вот! – воскликнула Юля, значительно подняв палец. – Надо это всё выяснить. И узнать, чем же были настолько странны те люди на болоте, что местные перестали туда ходить.

Егор хмыкнул.

– Ну, это мы и сами с тобой видели!

Сестра затрясла головой.

– Нет-нет, насколько я поняла, это только мы влезли в их логово, а остальные просто проходили мимо. И чем же в таком случае они могли так испугать людей, что те вообще перестали туда ходить. Ведь их даже болото не отпугивало.

Егор кивнул.

– Ну да, Юль, ты права, это всё знать не помешает. Тем более что Стас уже заболел и где гарантия, что с нами подобного не случится. И вообще, больше знаешь, крепче спишь.

– Наоборот, – заметила Юля.

– Не в этом случае, – убеждённо сказал Егор.

На следующее утро они отправились в деревню, оставив возмущённых и недоумевающих собак дома. Мангусты прошли уже полдороги до деревни, беспокоясь пока только об одном – как бы подставить Солнцу максимальное количество мест одновременно, когда Юля внезапно остановилась с заколотившимся сердцем и обернулась к брату.– Скажи, мелкий, ты хорошо помнишь эту статью о секте? – напряжённо спросила она.

– Ну да, на память не жалуюсь, – внимательно глядя на сестру, ответил Егор.

– В таком случае скажи мне – сколько человек было в секте перед тем, как она исчезла?

– Несколько сотен.

– Прекрасно. А скольких мы видели на холме?

– Ну-у, там было… – тут Егор осёкся, он прекрасно помнил, что никаких сотен там быть не могло, – десятка два или три.

– Десятка два или три, – эхом откликнулась Юля, – и где же остальные?

Егор задумался.

– Может, они спали, или ушли в лес или просто не стали вылезать, а может, вообще покинули секту?

– Такие секты так просто не покидают, разве что на тот свет. – Юля покачала головой и поморщилась. – А что касается остальных предположений – ушли в лес сразу несколько сотен? Маловероятно. А то, что спали или просто не вылезли… Ты же помнишь, как они появились?

– Конечно! – горячо воскликнул Егор. – Такое не забудешь!

– Тогда ты должен помнить, что поднимались они одновременно, все сразу. Для часовых их было слишком много, но нападать на нас они всё же не стали, так что дело не в том, что именно это количество людей вылезло для того, чтобы нас схватить. Если бы действительно дело было в этом, появились бы все сотни, если бы могли. Две собаки не смогли бы их остановить. Больше похоже на то, что это были все, кто там остался.

Егор медленно кивнул.

– Немного сумбурно изложено, но смысл ясен. Да и тропинка на болото к тому же. Ушли на встречу со своей Великой Матерью! – натужно пошутил он.

– Что-то ты сегодня излишне весёлый, – неодобрительно проворчала сестра, – и шутки у тебя всё же странные, некрофильские какие-то.

– Какие есть, – пожал плечами брат.

Егор был прав. Вряд ли во всей деревне нашёлся хоть один человек, который решил бы в этот день остаться дома. Сочетание весны, праздника и хорошей погоды не оставило равнодушным никого. Люди ходили повсюду, собирались большими и маленькими группами, оживлённо разговаривали, смеялись и кое-где даже пели. Словом, веселились вовсю. Настроение в деревне было по-настоящему праздничным.

Юля и Егор шли по улице, здороваясь со знакомыми, причём Егор, который знал здесь почти всех, не успевал приветствовать их и отвечать на приветствия. Мангусты уже несколько минут бесцельно лавировали среди толпы, когда Егор привлёк внимание сестры к довольно многочисленной группе людей, весьма чувствительно дёрнув её за руку.

– Вот, видишь, вон те четверо, – громким шёпотом, указывая рукой в их сторону, сообщил он, – это дядя Лёша, дядя Игорь, Антон и Ефим Петрович. Они были одними из тех, кто видел странных людей.

Юля остановилась и принялась их рассматривать. Результаты осмотра её удовлетворили, и она повернулась к брату:

– Вот и отлично, к ним-то мы и подойдём. Тем более что и они, и остальные должны знать и о заболевших. Единственное, давай-ка подойдём вон туда, – Юля кивнула головой в сторону динамика, изрыгавшего мажорные вопли, – и обсудим кое-что.

Они подошли к этому динамику, едва не сметаемые бешеным напором звуков, и прислонились к стене. Разговаривать, стоя под ним, приходилось очень громко, да и воздух, и окружающие предметы сотрясались от вибрации, но зато уже в двух шагах разговаривающих не было слышно совершенно.

– Нам надо придумать, как задавать вопросы, – с трудом перекрикивая рёв динамика, проорала Юля, – не можем же мы подойти к ним и в лоб заявить: «А расскажите-ка нам о странных людях и о больных!».

Егор заорал в ответ:

– А мы скажем почти правду – мы там ходим и всё нормально, ничего не случилось и никого не встретили, но слышали всякое, вот и хотим узнать, чего стоит бояться. А насчёт больных – расскажем про Стаса.

Так они и сделали. Люди, стоявшие в этой группе, сначала обрадовались подошедшему пополнению. Веселье было в самом разгаре, и пива, да и напитков покрепче, было выпито уже изрядно. Но, поняв, о чём именно спрашивают Мангусты, они насторожились и даже было вовсе не захотели говорить на эту тему. Но затем общее веселье и шум одержали верх, и каждому захотелось поделиться всем, что ему было известно о болоте.

Жарким весенним днём, в праздничном шумном окружении, с соответствующим настроением, усиленном алкоголем, всё это казалось совсем не страшным, а, скорее, интересным и происходящим с кем-то другим. Вроде событий в занимательном фильме, который можно с удовольствием пообсуждать, а затем выбросить из головы.

Разговор получился довольно долгим, и выяснить удалось немало любопытных и потенциально важных вещей. Причём однажды Юля застыла, а затем с трудом удержалась о того, чтобы не стукнуть себя по лбу, и тихо обругала себя бессердечной дурой.

Вот как это было:

– Странные люди? А, да-да, было дело. Мы, значит, пошли на болото, днём, само собой. Грибы там, понимаешь, отменные – белые, подберёзовики, а подосиновиков вообще не счесть. Пошли мы, значит, вчетвером. Уже набрали, неплохо так, а тут глядь – какие-то люди идут и что-то тащут. Стали мы, значит, смотреть. Тут ведь какое дело, если кто идёт из наших на болото, вся деревня об этом знает, а кроме нас-то никто больше и не шёл, ну а тут, значит, кто-то чужой. А кому бы это быть, тут и деревень-то больше нет. Вот и смотрим мы, значит, и тут видим – собаку тащут, ноги у ней связаны, а обнимают, как ребёнка. Дотащили до топи и как шваркнут туда, а сами стоят, значит, и что-то бормочут. Она, бедная, визжит, да тут болото её и засосало. Мы хотели, значит, подойти, но темнеть уже начало, да и испугались мы, по правде говоря, развернулись и дёру. Даже корзинки не добрали доверху.

Вот здесь-то и бросилась кровь Юле в голову – когда они с Егором обсуждали – опасна ли эта секта для людей, они совершенно упустили их виду собак. А ведь судя потому, какой вой доносился из холма, их там было очень много. И всех их ждала такая же страшная смерть. Она едва сдержалась, чтобы не ринуться туда сразу же. Но, справившись с собой, продолжила разговор:

– А вы не помните, во что были одеты люди?

Собственно говоря, ей хотелось узнать – были ли это жрецы или рядовые члены секты. Но выяснить это не удалось, ибо по поводу одежды мнения разделились. Один утверждал, что на них были комбинезоны, другой, что они были завёрнуты в какие-то тряпки, а двое оставшихся вообще не обратили на это внимания.

По поводу пострадавших информации было больше. В первую очередь Мангустов интересовал вопрос – было ли что-то необычное в те разы, когда люди заболевали, посетив болото, и, вообще, сколько всего их было.

Отвечать начали со второй части. Заболевали, насколько было известно, с того времени, как появилась деревня, но редко. Непосредственно на памяти старожилов таких случаев было пятнадцать. С первой частью оказалось сложнее: кто-то ходил поодиночке и не рассказывал, что там могло произойти. Но было и кое-что интересное – вспомнили два случая. Первый: один из заболевших сломал на болоте руку, да и ещё как – кость пробила кожу. Во втором случае заболевших оказалось сразу несколько человек. На болото пошла большая группа и что-то они там не поделили. Завязалась драка, дело быстро закончилось, и особо никто не пострадал – разбитые носы, несколько синяков и ссадин. Но что интересно: из подравшихся, а их было семь человек, заболели только трое. И все заболевшие, если только не уезжали из деревни навсегда, рано или поздно уходили на болото.

Затем Юля спросила о проявлениях болезни – тут картина была один в один как у Стаса, разве что кому-то больше, кому-то меньше снились кошмары. Зато выяснилось – проявления болезни были синхронизированы по времени и одинаковы у всех. Но уходили все в разное время.

– Да, кстати, – пристально глядя на Ефима Петровича, который в основном и отвечал, спросил Егор, – а почему дети у вас считают, что те из заболевших, кто уезжает, становятся нормальными и приступы у них прекращаются?

Пожав плечами, кто-то ответил, считая это само собой разумеющимся, и остальные согласно кивнули:

– Да, чтоб подальше от болота держались.

Мангусты только рты раскрыли, не понимая, каким образом подобная информация может удержать детей от посещения болота.

Увидев их растерянность, Ефим Петрович снисходительно пояснил:

– Да всё просто – рядом с болотом плохо, а далеко – хорошо, вот и нечего туда соваться.

Юля с трудом закрыла рот, пробормотав: «Да уж, убойная логика, не поспоришь», а Егор только покачал головой. Глубоко вздохнув, Юля задала очередной вопрос:

– А когда именно бывают приступы? И днём, и ночью, и зимой и летом?

Люди задумались. Несколько секунд они стояли молча, а затем, тихо посовещавшись, начали отвечать:

– Да как-то больше по ночам, обычно, днём-то их отпускает, хотя и не всегда. Но вот тепла заболевшие боятся как огня. Зимой, в общем-то, не уходят, да и приступов практически не бывает, а вот летом совсем другое дело. Все больные заморозков ждут как манны небесной

Затем Юля спросила, какими были люди незадолго до ухода, и здесь выяснилась самая ценная на данный момент информация.

– Да как тебе сказать, – заговорил Ефим Петрович, – Лёшка Ерофеев, значит, по осени гриппом заболел, влёжку лежал. Все удивились, что он ушёл, он и встать-то не мог. Николай Рябов с лестницы упал, переломался, Катька Косая, со своим хахалем подралась, а потом, значит, нажралась палёной водки с ним же. В ту же ночь ушла, а хахаль к утру помер.

Остальная информация была в том же роде – каждый непосредственно перед уходом на болото был в очень плохом физическом состоянии.

Напоследок Юля решила поинтересоваться характерами заболевших, но ничего особо интересного не открылось. Это были абсолютно разные люди. Такие, например, как местная чума, запойный алкоголик Дрын и всеобщий любимец Вася – совершенно замечательный парень с очень чистой душой, но небольшими проблемами по части головы. Слабоумным он не был, просто несколько странным и очень-очень добрым. И иногда страдал провалами

в памяти. Вот и в тот раз он один ходил на болото за грибами, принёс, хромая, полное лукошко, но на вопрос, что с ним случилось, ничего не ответил. А с той же ночи он и заболел.

Юля видела этого Васю – действительно, очень светлый человек с ясными и сияющими глазами, при первом же взгляде на которого хотелось ему улыбнуться. Он имел несколько своеобразных привычек: пристрастие к зелёному цвету в одежде, не переносил закрытых окон (открытыми держал их даже в сильнейшие морозы) и был убеждённым апологетом босохождения.

Поблагодарив людей за информацию, Мангусты отправились обратно. Как только они вышли за пределы деревни, Юля резко сказала:

– Завтра мы идём к секте!

– Ты, что, с ума сошла? – испуганно воскликнул Егор. – Тебе жить надоело?

– Мы не будем лезть к ним в пасть, но ты же сам слышал, что говорили о собаке, и вспомни, сколько их там. Их же всех убьют, да ещё так жутко! – при одной мысли об этом у Юли наворачивались слёзы на глаза.

– Юль, я всё понимаю, – стараясь быть спокойным и убедительным, заговорил брат, – поверь, мне их тоже очень жаль, но что мы можем сделать?

Лицо Юли исказила гримаса.

– Я пока не знаю, мелкий. Мы придём на место, на холм лезть не будем. Понаблюдаем за ними, вдруг что-то узнаем. Может, последим за ними и убедимся, что для людей они не опасны, и вызовем милицию.

Егор насмешливо и мрачно фыркнул.

– Ага, милиция увезёт их в психушку, а собак в приют, где их благополучно и усыпят, – сказал он.

Сестра страдальчески закатила глаза, оскалившись.

– Егор, не трави мне душу, прошу тебя. Ну не знаю я, что делать. Придём туда, на месте сориентируемся. Может, их выпустить можно.

– Я без оружия не пойду! – категорически заявил Егор.

– А я и не заставляю! – обрадовано заявила Юля, поняв, что брат согласен идти. – Я возьму «Осу», а тебя вооружим любимым охотничьим ножом Андрея. Кстати, не знаешь – на кой чёрт ему нож, если он не охотится?

– Для красоты, это я точно знаю, – пожал плечами Егор.

– Так вот, нож и металлический пруток, у нас их осталось несколько после строительства. А у меня ещё будет и алтаевский поводок с альпинистским карабином – мощное оружие! – Юля радостно улыбнулась, правда, улыбка получилась несколько хищной.

– Когда выходим? – деловито спросил Егор.

Сестра закусила губу, размышляя.

– Хороший вопрос, – заговорила она, – должно быть совсем светло, когда мы придём туда. Не хочу, чтобы к нам подкрались в темноте, да и болото слишком близко. Но при этом у нас должно быть много часов светового дня, чтобы успеть там всё осмотреть.

В итоге выйти решили незадолго до восхода Солнца, чтобы к тому времени, когда они доберутся до болота, было уже достаточно светло.

С вечера подготовили оружие, бутерброды, две бутылки с минеральной водой, поставили будильник и с чистой совестью легли спать.

Утром, вырванная воплями будильника из глубокого сна, Юля выползла из-под одеяла, с трудом оделась, вышла из комнаты и заглянула к Егору. Брат, в таком же состоянии, пытался с закрытыми глазами натянуть штаны задом наперёд. Юля не стала ему мешать и поползла вниз.

Супруги уже находились на кухне. Андрею нужно было уезжать по делам, а Марина, как обычно, провожала его на работу. Услышав шаги, оба удивлённо посмотрели на Юлю.

– И что же подняло тебя в такую рань? – поинтересовалась Марина.

– Да мы с Егором решили прогуляться на рассвете с собаками. Кстати, уходим на весь день, – едва ворочая языком, сообщила Юля.

Она рухнула на стул, почти засыпая, и в благодарность за протянутую Мариной чашку горячего кофе смогла только слабо улыбнуться. Юля сидела, уплывая, под тихое бормотание Андрея и Марины (точнее, одного только Андрея, ведущего один из своих бесконечных интеллектуальных монологов), когда услышанная фраза заставила её подавиться очередным глотком кофе и яростно закашляться, полностью прогнав сон.

– … одна из двух инфернальных сил – добро… – вполголоса бубнил Андрей.

Марина, резко обернувшись к сестре, с тревогой спросила, что случилось. Юля не ответила, во все глаза глядя на Андрея.

– Я услышала тебя правильно: добро – это инфернальная сила? – в полном потрясении выдохнула она.

– Милое дитя, тот разговор, что я веду со своей женой и твоей сестрой, не для твоих ушей. Тебе катастрофически не хватает ни образования, ни возраста, чтобы понимать наши беседы, – поднося ко рту чашку с дымящимся кофе, небрежно отозвался Андрей.

Юля нетерпеливо отмахнулась от этих слов.

– Да до лампочки мне ваши беседы, я хочу знать, что ты имел в виду, говоря, что добро – это инфернальная сила? Что же тогда на долю неба остаётся, а?

Но Андрей с гордым видом, явно не желая снисходить к праздному любопытству, повернулся к Марине и продолжил монолог. Но голос, правда, всё же понизил. Юля сдаваться не желала. Она снова встряла в разговор:

– Ты «Фауста» имеешь в виду – «Я часть той силы…» и так далее или что?

В этот момент до кухни дополз Егор, органически не переносивший метафизические дискуссии с утра пораньше. Не желая расстраивать брата, тем более перед предстоящей им прогулкой, Юля вынужденно заткнулась, но потрясение от услышанного не исчезло, и она пообещала себе добраться-таки до Андрея и добиться от него ответа – что всё же он имел в виду?

Солнце уже поднималось за лесом, освещая верхушки деревьев и возвращая им краски, но в самом лесу ещё царили сумерки. Немногочисленные облака поспешно разбегались от солнечных лучей, прячась за горизонт и открывая небо. Воздух был холоден, и в низинах медленно колыхался густой туман.

Мангусты молча шли к болоту, не желая разрушать волшебную тишину. Возрождение дня казалось священным таинством, которое следовало созерцать в благоговейном молчании. С каждой минутой Солнце поднималось всё выше, и свет, смешивающийся с темнотой, постепенно начал вытеснять её, и мир наполнился сиянием. А солнечные лучи, осторожные и неспешные поначалу, проникли вскоре везде, заставляя туман, завихряясь, подниматься к Солнцу. Но, не преодолев и небольшой части дороги, туман, впитавший в себя слишком много света, просто исчезал.

К тому моменту, когда Мангусты и собаки почти добрались до цели, уже прилично припекало и становилось ясно, что это будет один из тех дней, когда Солнце просто плавит всё вокруг. Проходя мимо болота, Юля и Егор прихватили собак на поводки, а к перелеску, за которым располагался холм, шли уже почти крадучись. Совсем близко решили к нему не подходить, оставаясь под защитой деревьев. Они устроились поудобнее в корнях огромного, густо поросшего мхом пня и начали разглядывать холм, видный как на ладони с этого места.

– И сколько мы здесь будем торчать? – поинтересовался Егор, который именно в этот момент понял, что долго так высидеть не сможет – слишком много вокруг пня было твёрдых и торчащих корней.

– Не знаю, посмотрим, а там определимся точно. Пока предлагаю последить часа два.

– Тогда ставь будильник, хоть на вибрацию, – требовательно заявил Егор.

Мангусты сидели уже полтора часа в полном молчании и, хотелось бы сказать, в полной тишине, но это было не совсем так. Холм действительно оказался на редкость тихим – ни единого звука не доносилось оттуда, а вот лес вокруг них гремел от птичьего пения, причём казалось, что на каждой ветке сидят как минимум по пятнадцать птиц. Даже болото, обычно такое мертвенное и тоскливое (если не считать тех случаев, когда оно было жутким и угрожающим) оглушительно рокотало от нескончаемого кваканья тысяч лягушек.

Хоть и извертевшиеся из-за скуки и жёстких корней, Мангусты всё же честно прождали бы всё оговорённое время до конца, но Алтай решил иначе. Услышав, как где-то в лесу с громким треском сломалась ветка, он вскочил и яростно залаял, а после секундного размышления к нему присоединилась и Ангара.

Мангусты с бешено колотящимися сердцами мгновенно оказались на ногах, напряжённо глядя на холм. Лай, издаваемый двумя мощными глотками, мог поднять и мёртвого, но, как ни удивительно, холм продолжал хранить молчание – тот же холм, который ещё три недели назад выл как замок, битком набитый привидениями, что желают выжить очередных владельцев. А теперь он не издавал ни звука.

Мангусты огляделись по сторонам. Пока ещё свободный от разлапистой зелени, лес был прозрачен и просматривался насквозь. Насколько они смогли увидеть, вокруг никого не было, да и собаки, поняв, что поняли тревогу из-за ерунды, скромно замолчали.

– Слушай, Егор, как ты думаешь, они все исчезли или что? – шёпотом обратилась к брату Юля.

– Без понятия, – честно ответил тот и поинтересовался, – а чего ты шепчешь-то, неужели после того, что устроили наши заботливые собачки, ты всё ещё думаешь, что о нашем присутствии никто и не подозревает?

– С перепугу, – пояснила сестра и быстро заговорила, – предлагаю сделать так – ещё минут пять стоим здесь и смотрим. Затем идём к подножию холма, не отпуская собак. Берём камни и начинаем кидать на вершину. Опять ждём. Если никто не проявится, осторожно идём наверх. Если опять никого не будет – осматриваем холм. Ну как?

Егор предложение одобрил, и они приступили к выполнению плана. В итоге минут через десять они стояли на вершине холма, так никого и не увидев. Холм продолжал оставаться совершенно спокойным, и если не знать, можно было решить, что там никогда никого и не было. Постояв ещё минут пять, Мангусты, пока не рискующие отпустить собак, начали медленно спускаться с южной стороны холма. Не пройдя и нескольких десятков шагов, они увидели странное сооружение, абсолютно незаметное с тропинки. Это была узкая и невысокая дверь, скрытая нависающим склоном холма.

– Егор, держи «Осу» и стой здесь, следи за всем и сразу, а я попробую открыть дверь.

Егор возмутился.

– Ты с ума сошла, это во-первых, и почему это ты пойдёшь, а я останусь, это во-вторых?

– Во-первых, идти сюда было моей идеей, а во-вторых, лезть туда я не собираюсь, я просто хочу заглянуть. А ты будешь прикрывать, если что.

Юля нетерпеливо протянула брату пистолет. Поморщившись, Егор взял оружие, а про себя подумал: «Никто меня к месту не прибивал, в любой момент могу и подойти».

Держа за ошейник Алтая, Юля подошла к двери. Постояв перед ней несколько секунд с бешено колотящимся сердцем, она осторожно протянула руку и постучала. От страшного напряжения её пошатывало, а рука, которую Юля отдёрнула, но не опустила, заметно дрожала. Холм оставался безмолвным. Юля подождала немного, а затем взялась за примитивно сделанную ручку и медленно потянула дверь на себя. Едва только та начала открываться, как изнутри хлынула невыносимая волна вони, в которой смешались запахи старой выгребной ямы, дав-

ным-давно не мытых тел и ещё чего-то, что Юля не могла определить сразу, но на редкость отталкивающего. Почти сбитая с ног ударной волной зловония, она быстро отпрыгнула в сторону, и Егор тут же бросился к ней с воплем:

– Что там? – но, подбежав, увидел только тёмное огромное пространство, протянувшееся за низким прямоугольником двери.

– Насколько я могу понять, только вонь и больше ничего, – вглядываясь в темноту, сообщила Юля.

Вытащив телефон, она включила фонарь, не глядя на экран, и посветила внутрь. Перед Мангустами предстало огромное, уходящее, похоже, к противоположному склону холма помещение с очень низким сводом. Находящийся на высоте не более полутора метров, он был сделан из обычных брёвен или, скорее, необработанных стволов деревьев, закреплённых кое-где такими же стволами, что одним концом упирались в потолок, а другим – в пол, представляющий собой просто плотно утрамбованную землю, земляными были и стены.

В глубине, смутно проступая из мрака, виднелись коробки, поставленные одна на другую, и всё – больше там никого и ничего не было. И люди и собаки бесследно исчезли. Пока Мангусты рассматривали эту огромную землянку, произошли почти одновременно две вещи – Юля вспомнила, что это был за запах и, заметно добавив живости её воспоминаниям, затрясся телефон, лежащий в её руке. Едва не выронив его от испуга, Юля вовремя сообразила, что это всего лишь сработал будильник, но сердце весьма ощутимо стучало ещё какое-то время.

– Знаешь, мелкий, – заговорила она срывающимся от пережитого испуга голосом, – я вспомнила, что это за запах. Помнишь, месяца два назад Алтай напоролся грудью на штырь, и из раны его постоянно сочилась сукровица, а отмыть её не было никакой возможности. Именно такую вонь, разлагаясь, она и издавала.

Егор, который уже отошёл в сторону и внимательно рассматривал лес, отозвался:

– Юль, я думаю, они здесь спали и собак здесь же держали и, помнишь, в статье было написано, что они занимались умерщвлением плоти – значит, были раны, – по лицу его пробежала мгновенная судорога.

Юля медленно кивала, слушая брата.

– Ну да, и одежда пропитывалась и на теле оставалась, и всё это гнило и воняло.

И тут она с отвращением вспомнила, что дверную ручку брала голой рукой и бросилась оттирать ладонь об траву, уже покрывшую холм.

Внутрь землянки Мангусты забираться не стали – и так было ясно, что там никого нет, и они решили до конца осмотреть южный склон холма, но ничего интересного больше не нашли. Тогда они обошли холм снизу по окружности, и вот здесь-то обнаружилось нечто любопытное. С изумлением Мангусты обнаружили, что весь северный склон оказался изрыт и усеян дверьми. Только в отличие от той, что вела в большое помещение, эти были узкие и длинные, похожие на лежащие на боку крышки гробов. По сути, ими они и являлись.

Вытряхнув бутерброды в рюкзак и обернув руку пакетом, Егор принялся открывать двери одну за другой. За ними находились ямы, самые большие из которых были от силы двух метров в длину, а ширина и высота их не превышала полуметра. Это и были дневные земляные гробы, в полном соответствии с описанием в газете. И каждый гроб, что открывал Егор, был пуст.

Юля уже хотела было предложить отказаться от дальнейшего осмотра, когда Егор, открывший очередную дверь, тихо вскрикнул и отшатнулся назад, едва не потеряв равновесие и не покатившись вниз по склону. Спасло от падения его только то, что он успел вцепиться в Ангару и благодаря этому смог удержаться на ногах.

Юля бросилась к нему на помощь, но, не добежав, застыла перед открытой могилой. Или, следовало бы сказать, – могилами, так как за неотличимой от остальных дверью располагалась не одна, протянувшаяся вдоль, а три, уходящие в глубину. И в них, подобно личинкам ос в гнезде, лежали люди. Это были трое жрецов, находящиеся в состоянии, очень похо-

жем на летаргию. Мангусты вначале даже решили, что те мертвы, уж очень измождёнными были у них лица, а сложенные на груди руки были похожи на руки мумий. Но через некоторое время им удалось различить слабый намёк на дыхание. И в этой тройной могиле жрецы лежали в том же порядке, что и находились всегда – Смерть слева, Жизнь справа, Решающий посередине. Аккуратно закрыв за ними дверь, Егор отправился осматривать остальные могилы. Все они были пусты.

Несмотря на яркое Солнце, лес прозрачный, но уже покрытый зелёной дымкой, ликующее пение птиц, доносящееся отовсюду, Юлю и Егора не оставляло ощущение какой-то мертвенно-свинцовой, как предгрозовое освещение, тяжести. Да и мысль о людях, лежащих внутри своих могил, не добавляла радостных эмоций.

В полном молчании Мангусты спустились с холма, прошли через перелесок и, обогнув болото, оказались на просторном поле, ограниченном на горизонте лесом. Отпустив собак, они сели на траву, пытаясь прийти в себя. Чуть позже, немного собравшись с мыслями, Егор предложил съесть захваченные из дома бутерброды. Еда, хоть и досталось её меньше, чем они рассчитывали, так как пришлось делиться с лохматыми вымогателями, вызвала прилив энергии и прояснила головы. Обретя новые силы, Мангусты стали решать, что же им делать дальше. Но, правда, первый вопрос, который задала Юля, своей неожиданностью ненадолго вогнал Егора в ступор.

– Слушай, мелкий, – задумчиво глядя на яркое и светлое небо, поинтересовалась она, – а почему мы не переехали на юг, а? Ведь, – продолжила Юля, ложась на землю и закидывая руки за голову, – возможность была, мы все любим тепло и Солнце, так почему же сюда, на север?

Не сразу придя в себя от ошеломившей его смены темы, Егор кашлянул и сказал:

– Не знаю, как-то сразу всё получилось – выигрыш, Стас, этот участок. У нас просто не было времени подумать.

Юля резко села.

– Ну да, так и есть. Но это, так сказать, лирическое отступление, а сейчас предлагаю перейти к делу. Смотри, что мы имеем: секта исчезла во второй раз и, похоже, на это раз уже навсегда.

– Ну, трое-то остались, – резонно возразил Егор.

– Не думаю, что троих главарей можно считать сектой, тем более ты их видел – они же на ладан дышат. Сомневаюсь, что в состоянии себя таскать, где уж им о чём-то ещё думать, а местные сюда не ходят. Так что, я думаю, надо оставить их в покое, пусть воссоединяются со своей Великой Матерью.

Егор задумчиво кивнул, он как вживую увидел эту троицу, похожую на мертвецов, в летаргии лежащую в холме.

– И я боюсь, – продолжила Юля, – хоть с первой частью истории нам повезло и мы быстро узнали обо всём, сейчас рассчитывать на это нечего. Мы так никогда и не узнаем, куда исчезли люди и почему не все сразу.

Но она ошибалась и в этот раз. Пройдёт время, и они смогут получить ответ на этот вопрос. А пока он оставался очередной загадкой, раздражающей и не имеющей ответа.

Кивнув, Егор нахмурился и закусил губу. Повернув голову к невидимому отсюда холму, он задал вопрос, который явно волновал его гораздо сильнее, чем загадка исчезновения секты.

– Но сейчас меня интересует совсем другое, – хмуро сказал он, – что нам делать с этими тремя?

Юля пожала плечами.

– Как я и говорила, оставить как есть, пусть лежат.

– А если они что-нибудь сделают?

– Да что они могут сделать, – фыркнула Юля, – живые трупы. И, кроме того, они же никого не трогали, пока их было больше, с чего бы им сейчас нападать? Да если б и захотели – ты же их видел – люди должны сами к ним в руки прийти, в крайнем случае, метрах в двух пройти, не дальше, а от них ближайшее жильё в десяти километрах. Да и то. если судить по тому, как они выглядят, с ними и котёнок одной левой справится.

– Твоя правда, – подумав, согласился Егор, – пусть торчат в своих норах. Всё равно, похоже, скоро исчезнут

С лёгким сердцем, обрадованная, что хоть одна проблема прекратила своё существование, Юля продолжила беседу.

– Ладно, какие у нас планы на сегодняшний день?

– Я думаю, домой идти пока не стоит: день отличный, мы перекусили, устать не могли. Я предлагаю сходить вон туда, – Егор махнул в сторону соснового леса, тёмно-зелёной стеной протянувшегося перед ними.

– Просто так или у тебя какие-то планы в связи с ним?

– Не то чтобы планы, просто хочу посмотреть – там где-то должно быть старое кладбище…

– Опять кладбище! – воскликнула Юля недоумённо и насмешливо, – тебе тех двух было мало?

– Откуда двух? – удивился Егор.

– Одно в лесу, с крепостными, другое – этот изрытый, как червями, холм.

– Да нет, там другое дело. На нём захоронены местные жители. Да и не только местные. В сорок четвёртом году, при отступлении, фашисты расстреляли здесь раненых, которых укрывали в деревне, тех, кто их укрывал и почти всех мальчишек-подростков. Их, тех, кто мог, сначала заставили копать могилы для убитых немцев, а потом убили самих. Там ещё где-то должна быть яма, куда их скидывали после расстрела – мёртвых и ещё живых.

Юля удивлённо рассматривала брата.

– Ну-у, – протянула она, – и всё же у тебя однозначно некрофильские наклонности.

– Нет, не в этом дело, меня это интересует как будущего историка. К тому же, – смущённо сказал Егор, – я хочу почтить память умерших.

– Ну что ж, – вздохнула Юля, поднимаясь, – раз так, тогда пошли.

До леса, в котором располагалось столь интересующее Егора кладбище, идти было не менее полукилометра и Мангусты решили, не теряя времени зря, по дороге свести воедино всё, что узнали за эти дни.

– Смотри, вот что очевидно: на болото уходят только те, кто, по сути, не владел своим телом. Причины у всех разные – тяжёлая болезнь, травмы, смертельное отравление, а результат один – ночью они уходят на болото.

Егор покачал головой.

– Нет, Юль, это не совсем так, ведь спящий тоже не владеет своим телом, но никто не ушёл просто во сне.

– Ты прав, насколько можно понять, само тело должно быть в очень плохом состоянии.

По телу Юли пробежала нервная дрожь – ей мгновенно вспомнились описания состояния людей, в котором они находились накануне ухода на болото.

– Похоже на то… Слушай, Юль! – резко повернувшись к сестре, воскликнул Егор, – а точно ли это связано с болотом?

Юля, не понимая, посмотрела на брата.

– Ты в своём уме, о чём ты говоришь?

– Ну как же, смотри, ведь вся деревня, во всяком случае, все взрослые ходили на это болото. Заболевают только деревенские, так, может, если бы они не ходили, то всё равно заболели бы?

– Ты имеешь в виду, что нельзя сравнить – допустим, половина деревни не ходила на болото и из них никто не заболел, другая ходила и там заболевали? – уточнила Юля.

– Да.

– Хороший вопрос. Есть только один шанс выяснить это – узнать когда проявляются впервые признаки болезни. Кроме того, ты ошибаешься. Стас не является жителем этой деревни. Но узнать об этом всё равно не помешает.

– Ладно, давай исходить из того, что дело в нём. Что мы ещё знаем?

– Насколько можно понять, все заболевшие травмировались там. Драка, перелом, да ещё какой, Стас, налетевший на сучок, Вася, вернувшийся с болота, хромая, – перечисляла Юля, загибая пальцы.

– Это так, но ведь не все, кто подрался, заболели. Так в чём же здесь принцип? – Егор поморщился в тщетной попытке сделать какие-то выводы при катастрофической нехватке данных.

– Пока не знаю, все заболевшие люди были разные – разного пола, возраста, характера. Может, дело в группе крови, предрасположенности или ещё в чём. Мы пока слишком мало знаем, – Юля пришла к тому же заключению, что и брат – фактов было слишком мало.

– По этому поводу мы можем ещё что-нибудь выяснить?

– Да вроде бы нет. Предлагаю перейти к другому вопросу – куда делись собаки?

– Да какая уже разница, – отмахнулся Егор.

– Принципиальная. Если их утопили в болоте – безумно жалко, но они уже, так сказать, в лучшем из миров. А если нет? Их там было несколько десятков, и если они спаслись – ты очень хочешь столкнуться в лесу с огромной голодной стаей одичавших собак? – Юля вопросительно посмотрела на брата.

Егор поёжился.

– Это мне как-то в голову не приходило, перспектива невесёлая. Да, – встрепенулся он, – если ты не хотела их выпустить, то какого чёрта мы сюда потащились?

Юля развела руки в сторону, а лицо её приобрело виноватое выражение.

– Знаешь, Егор, честное слово, просто понятия не имею. Я не могла оставаться дома, зная, что они здесь. Наверное, решила на месте понять, что делать…

Ответ Юли был прерван. Разговаривая, Мангусты уже почти дошли до леса, но войти в него не смогли – путь им преградила небольшая стая собак, выбежавшая из густого подлеска, по всей видимости, тех самых, о которых только что шёл разговор. После секундного молчания собаки яростно залаяли и бросились вперёд, а из леса вслед за ними вылетели остальные – поредевшая, но всё ещё многочисленная свора общей численностью не менее двух десятков псов.

И в который уже раз Юля возблагодарила свою счастливую судьбу, подсказавшую ей взять именно кавказских овчарок. Ангара и Алтай молча бросились вперёд, как два ястреба на стаю голубей. Бежавшие навстречу собаки сначала замедлили ход, затем остановились, а под конец, поджав хвосты, бросились врассыпную. Кавказцы, пробежав за ними ещё немного, остановились, внимательно глядя им вслед, и, убедившись, что агрессоры разбегаются и возвращаться не желают, спокойно вернулись обратно.

Не раз Мангустам приходилось видеть, как стая таких шавок – что собак, что людей, полагаясь на свою численность, готова была разорвать слабейшего, а бывало и рвала, насмерть, в клочья, но, трусливо поджав хвосты, разбегалась, встретив превосходящую силу.

А сейчас Мангусты стояли с белыми лицами, застыв на месте. Оба обладали достаточно живым воображением, чтобы представить себе, что могло бы произойти, поэтому и облегчение, и благодарность их своим собакам были очень бурными. Те же восприняли это, как должное.

– Знаешь, мелкий, мы родились под счастливой звездой. Хвала нашим собакам! – Юля всё ещё не могла успокоиться после пережитого. – Если бы не они, нас могли разорвать. Я

видела однажды, как такая стая среди бела дня набросилась на женщину в обычном московском дворе. Хорошо, дело было зимой, а поблизости оказались люди. Её удалось отбить, а зимняя одежда защитила от тяжёлых травм.

Егор кивнул.

– Можешь не рассказывать. Я и сам был свидетелем однажды, как собаку, которую вели на поводке, едва не разорвала подобная стая. А напала эта стая только потому, что собака испугалась. Хозяйка попыталась отбить свою любимицу, отчаянно крича при этом, но нападавшие разбежались только после того, как на помощь бросились другие люди. Меньше чем за минуту эту собаку почти убили.

Он повернулся к Юле и встревоженно сказал:

– Юль, необходимо предупредить деревенских, чтобы не вздумали вообще сюда соваться, особенно поодиночке.

– Абсолютно верно. Да и нам без наших собак здесь делать нечего, – и она ещё раз погладила их, искренне им благодарная.

Пока Мангусты разговаривали, слишком взвинченные после случившегося, они не заметили, как вошли в лес. И то, что они оказались уже вплотную к кладбищу, поняли только потому, что Алтай резко остановился. Он напряжённо смотрел вперёд, после чего развернулся и решительно направился в сторону и остановился, только отойдя на почтительное расстоянии от кладбища.

– Похоже, Егор, мы пришли куда надо. Загадочная всё же у Алтая реакция на кладбища, можно подумать, он привидений боится, – удивлённо заметила Юля.

Поведение Алтая было практически таким же, как и на другом кладбище, за одним только исключением, в чём Мангусты смогли убедиться чуть позже.

– Смотри, Юль, похоже, вот та яма, куда сбрасывали расстрелянных людей, – Егор показал на приличных размеров выемку в земле, так и не поросшую травой, – а вот и само кладбище. Мне рассказывали, что оно очень старое и принадлежало ещё другой деревне, той, в которой жил маньяк-помещик. Потом здесь начали хоронить умерших из нашей деревни, после того, как та исчезла. А спустя много лет началась война. – Лицо Егора стало печальным, пока он негромко рассказывал, – мне говорили, фашисты расстреляли почти всю деревню. Оставшиеся в живых после ухода немцев потом жгли здесь костры, чтобы прогреть землю и похоронить своих родных. К весне, говорят, закончили. Теперь здесь как бы две части – старое и новое кладбища. Но ни в одной, ни в другой после того никого больше не хоронили.

И действительно, чуть поодаль от остальных могил, было устроено новое кладбище, располагающееся ровными рядами. А на всех надгробиях одна и та же дата смерти – 15 января 1944 года. На, без малого, трёх сотнях могил.

Мангусты постояли некоторое время молча, отдавая дань памяти погибшим на той страшной войне, а затем отправились дальше. И, странное дело – Алтай, который всё это время стоял в стороне, спокойно подошёл к ним, едва они, оставив новое кладбище за спиной, приблизились к старому. Точнее, лёгкое напряжение в нём наблюдалось, но не более того.

– Смотри, похоже, не в кладбищах, как таковых дело. Интересно, а в чём тогда? – с любопытством рассматривая Алтая, обратилась Юля к брату.

– Надо пройтись с ним мимо нынешнего деревенского кладбища, там и посмотрим на его реакцию, – сам до крайности заинтригованный поведением Алтая, предложил Егор.

Забегая вперёд, можно сказать, что и там Алтай был лишь немного насторожен, что заставило Мангустов серьёзно задуматься.

Какое-то время спустя с осмотром кладбища было покончено, и Мангусты, неспеша отправились домой. А дома их встретила новость, которая потрясла их до основания – тяжело заболел Андрей.

– Представьте только, похоже, это грипп, – встревоженно говорила Марина, встретив их на пороге, – и как только он умудрился подцепить его в такую жару?

Мангусты тревожно переглянулись, их одновременно пронзила одна и та же страшная мысль – неизвестно точно, из-за чего уходят на болото, но ясно без сомнения в каком состоянии.

– Мариночка, ты успокойся, пожалуйста, – мягко заговорила Юля, – волнение сейчас не поможет. Ты с врачами связывалась?

– Да, приехал врач, сказал, что в больницу забирать не будет, но прописал лекарства – каждые четыре часа.

– Вот и хорошо. Ты сколько уже сидишь с Андреем?

– Около пяти часов, – неуверенно пробормотала Марина.

– Иди тогда, отдохни, – подчёркнуто спокойно сказала Юля, обняв сестру за плечи и подводя к дивану, – попробуй заснуть. А мы с Егором по очереди посидим с Андреем. Через восемь часов мы тебя позовём – возьмёшь свою четырёхчасовую вахту.

Юле удалось довести старшую сестру до дивана без особого сопротивления. Та послушно легла, хотя и думала поначалу отказаться, но по здравом размышлении поняла, что Юля права. Объяснив подробно что, в какой последовательности и в какое время надо делать, Марина закрыла глаза и честно попыталась заснуть.

– Егор, мы с ним сидим до рассвета – днём не уходят, – твёрдо сказала Юля, – Марину разбудим не раньше, чем Солнце взойдёт. Я – первая, сам знаешь, мне легко не спать до утра.

Егор поднял руку, тормозя сестру.

– Если Андрей решит уйти, в одиночку мы его не остановим, особенно ты. Так что и другой спит в той же комнате. Положим матрас.

Двое суток прошли без изменений. Все ночные вахты Мангусты брали на себя, днём по очереди также помогая Марине. Андрей, хоть и с очень высокой температурой, по большей части находился в сознании и умирать явно не собирался. А на третий день наступил кризис.

Это случилось около десяти часов вечера, во время дежурства Егора. В этот момент он находился в комнате один, так как ни Юля, ни Марина ещё не ложились спать. Егор сидел в кресле рядом с кроватью, читая книгу. На тумбочке, под рукой, лежали лекарства и стояла здоровенная глиняная (подарок Марины) кружка с водой – больной часто просил пить. Андрей некоторое время тому назад то ли погрузился в беспокойный сон, бормоча что-то, то ли бредил, находясь в бессознательном состоянии. Егор уже несколько раз видел такое за эти два дня, но всё равно посматривал на него с тревогой. И сейчас он бросил на Андрея очередной взгляд, но увидел не привычную картину, а то, что потом не раз снилось ему в кошмарных снах. Андрей, лежавший до этого на спине с закрытыми глазами, внезапно открыл их и, повернув голову, уставился на Егора. При этом на его лице появилось совершенно жуткое выражение, самая настоящая маска, смысл которой Егор постиг, не размышляя, в мгновенной вспышке понимания. Это чудовищное выражение лица уже не принадлежит Андрею, какое-то иное существо завладело его телом, воспользовавшись его состоянием, существо наслаждающееся мучениями жертвы и её смертью и испытывающее сумасшедшую радость при этом. Причём мучить оно будет бесконечно долго, алчно впитывая каждый стон, каждую каплю крови, а затем, несомненно, убьёт, находясь в безумном страшном экстазе.

Андрей, глядя в упор на Егора, начал приподниматься на локте, подтягивать своё тело к нему. На лице застыло невозможное у живого человека выражение – глаза горят сумасшедшим злобным ликованием, а рот, в нарушение всех законов анатомии, в страшной ухмылке растянулся почти до глаз.

Сидя в полном оцепенении, окаменев от ужаса, Егор видел, как кошмарное нечто тянется к нему всё ближе и ближе, и он понял, что если оно подползёт к нему вплотную, он просто не выдержит и либо заорёт в паническом ужасе и убежит из комнаты, либо убьёт эту тварь.

И Егор схватил тяжеленную кружку, подумав, что если она всё же дотянется до него, он просто раскроит этой твари череп. Ощущение тяжёлого предмета в руке и собственная решимость оказать сопротивление мгновенно прогнали страх. А в тот момент, когда страх покинул Егора, это жуткое нечто исчезло и Андрей упал обратно на кровать. Егор ещё какое-то время сидел, не желая выпускать кружку из рук, пока не увидел, что Андрей, именно Андрей, пришёл в себя, и только тогда, полностью успокоившись, поставил её обратно.

Утром Андрей выздоровел.

Глава 4

Выздоровление Андрея обрадовало всех. Машка, которую не пускали к папе даже сейчас, боясь, что и она также может заболеть, нарисовала поздравительную открытку. Помощь Марины в этой работе была весьма ощутима, но никто не стал заострять на этом внимание, тем более что открытка и в самом деле получилась очень симпатичная.

Марина летала по дому, сияя и искрясь, как самая добрая и счастливая шаровая молния на свете. Кошки всей компанией устроились на Андрее, развлекая его своим мурлыканьем. До этого осторожно заглядывавшие в комнату собаки, на этот раз радостно влетели, размахивая хвостами и улыбаясь до ушей.

Мангусты не остались в стороне от всеобщего восторга, купаясь в волнах счастья, разливающихся повсюду. И, несомненно, они бы ещё не скоро выбрались из этих волн, если бы не Егор. Он вспомнил о событиях минувшего вечера и грубо сдёрнул и себя, и сестру с небес на землю, снова начав говорить об этом случае. Юля, при взгляде на которую казалось, что она всё ещё потирает ушибленные при падении места, с вежливым сомнением смотрела на Егора. Брат ещё ночью вкратце рассказал о том, что случилось с Андреем, но Юля тогда мало обратила внимания на его слова. Для неё, не видевшей этой жуткой маски, то, о чём рассказывал Егор, казалось не стоящим внимания, а сейчас и подавно радость этого утра была тем единственным, что имело значение. Но мало-помалу она втянулась в разговор.

– И это был не Андрей! – решительно заявил Егор, закончив рассказ.

– Ага, ты это говорил ещё ночью. Даже спать лечь отказался – зевал всю ночь напролёт у меня над ухом! В отличие от Андрея, кстати. Тот-то спал как младенец. И если Андрей был не Андрей, то кто же, хотелось бы мне знать? – с сарказмом поинтересовалась Юля.

– Это я и сам хотел бы знать, – пробормотал себе под нос Егор. – Понимаешь, когда оно начало смотреть на меня, с этим невозможным, жутким выражением на лице Андрея, я сразу понял – это не Андрей! – скандируя последние слова и помогая себе при этом энергичными ударами ладонью по колену, воскликнул Егор.

Юля убеждающе заговорила:

– Егор, послушай, человек был тяжело болен, находился в бреду, мало ли что ему померещилось.

– Юль, складывается ощущение, что ты меня не слушаешь. Я повторяю ещё раз – это был не Андрей. Андрей лежал в бреду, а тянулось ко мне что-то иное.

– Да с чего ты взял! – сдавленным шёпотом, чтобы не услышали супруги, не выдержав, завопила Юля. – Почему ты решил, что это был не Андрей?

Посмотрев в глаза сестре, со спокойной уверенностью Егор сказал:

– Я это знаю.

Он помолчал немного и продолжил:

– Если бы ты это видела, ты бы тоже знала. Понимаешь, когда это существо открыло глаза и уставилось на меня… Вот смотри, – перебил сам себя Егор, – ты общаешься с человеком, и о его мыслях и чувствах ты можешь только догадываться, причём не всегда верно, но никогда не знаешь точно. А здесь я точно знал, что этой твари надо, во сне так бывает. Понимаешь, не размышляя, просто сразу осознал – мучить, убивать и испытывать от этого наслаждение. Она совершенно безумна. Человек не может испытывать такие эмоции, да ещё с такой силой. Это как стоять на пути несущегося на тебя потока, прорвавшего дамбу. И само лицо – ты даже пальцами так не дотянешь губы, это просто невозможно. И последнее, мне было страшно, очень страшно и пока я боялся, оно тянулось ко мне. Но как только я решил защищаться – мой страх совершенно исчез, и оно тут же пропало. Вот только сейчас ко мне тянется эта тварь, а через мгновение Андрей падает обратно на кровать.

Юля слушала брата, опустив голову и глядя в пол. Дослушав до конца, она какое-то время сидела молча, собираясь с мыслями, прежде чем заговорила:

– Ты прав, Егор. Я этого не видела и не могу ничего утверждать. Но, скорее всего (заметь, я не утверждаю, что это только так и никак иначе), так вот, скорее всего, это был результат физической и психологической усталости. Эти три дня были очень тяжёлыми, добавь сюда страх из—за возможной попытки ухода Андрея на болото. Ты был на грани нервного истощения и увидел галлюцинацию.

– Скажи мне, пожалуйста, что такое галлюцинация в точности, – в упор глядя на сестру, спросил Егор.

Юля на какое-то время заткнулась, затем сказала:

– Я не знаю, но я знаю, что они бывают. Так что я останавливаюсь пока на версии, что это была галлюцинация, вызванная нервным напряжением.

Егор неодобрительно покачал головой, но настаивать на своей правоте не стал. Разговор на этом и закончился, ибо говорить больше было не о чем. Каждый в итоге остался при своём, как это всегда бывает, когда нет аргументов, способных убедить собеседника. Но, правда, напоследок Егор сказал:

– Я могу голову дать на отсечение – увидь ты такое, согласилась бы со мной безоговорочно.

Юля пожала плечами.

– Всё может быть, спорить не стану.

Андрей, несмотря на то, что окончательно поправился, оставался ещё достаточно слабым, хотя, быть может, и не настолько, как это казалось Марине. Она категорически запретила мужу вставать с кровати, а сама ринулась на кухню готовить все самые любимые Андреем яства, так как он за три дня болезни успел страшно проголодаться и сейчас испытывал совершенно волчий аппетит.

Мангусты под шумок стащили несколько вкусностей и отправились в деревню выяснять, насколько был обоснован их страх перед уходом Андрея на болото. С кухни они вышли напутствуемые требованием сестры никуда надолго сегодня не уходить, так как вечером будет праздничный ужин.

В деревне Мангусты, пообщавшись с разными людьми, в том числе и теми, кто уже был заражён на болоте, узнали, что первые проявления загадочной болезни случались если не в ту же ночь, хотя и такие случаи бывали, то в ближайшие несколько дней точно. И действительно, без исключения все заболевшие незадолго до этого бывали на болоте. Не было ни одного случая, когда проявилась бы эта болезнь у тех, кто никогда не бывал там или бывал очень давно.

– То есть, – настойчиво спрашивала Юля Николая Ивановича, местную ходячую энциклопедию, знавшего всё и обо всех (ибо если чего-то не знал Николай Иванович, этого не знал никто), – то есть только и исключительно те, кто там бывал, заболевали, несмотря на то местные они или нет?

– Да, только так, – был ответ, – человека три из приезжих также заболели и также вскоре после того, как побывали на болоте.

Юля повернулась к Егору, пробормотав ему на ухо: «И что здесь скажет Андрей со своей теорией об инбридинге и вырождении». Егор в ответ прошептал: «Ага, и слишком внушаемых что-то перебор».

– А, например, когда та группа подралась и трое заболели, через сколько дней у них это проявилось?

Мангусты с напряжённым вниманием смотрели на собеседника. Тот почесал в затылке, заведя глаза к небу, и начал отвечать:

– Да их всех одинаково накрывает, заболевших. Уж если подцепил эту дрянь, то это не важно – сегодня или двадцать лет назад. Накрывает одновременно всех. А с ними… ну-у, я точно могу сказать, когда каждый из них ушёл, а насчёт первого приступа, – он пожал плечами, – неделя прошла, может, больше, может, меньше. Всегда по-разному. Ах, да! – воскликнул Николай Иванович, припомнив, – однажды было, когда выяснилось, что один заболел, прошло месяца четыре, как он был на болоте. Тогда Колька Рябов, тот, что с лестницы упал и в ту же ночь ушёл, светлая ему память, – Николай Иванович перекрестился, – по осени за опятами ходил, их там полно. Опята тогда долго держались, почти до ноября. Вот он всё ходил и собирал их, уж очень солёные опята любил, – сказал он со вздохом. – И тогда вернулся с болота, вся рожа разодрана – говорил, испугался чего-то, да и о дерево лицом ударился, зарёкся с тех пор туда ходить. Вот у него первый приступ был весной, вместе с остальными зацепило. Уж и испугался тогда Колька, – покачал головой Николай Иванович, – а ведь какой хороший человек был – и непьющий, и руки золотые. Жалко его. Вот что, ребята, – настойчиво обратился он к Мангустам, – вы бы и сами не ходили туда, ведь молодые ещё совсем, вам ещё жить да жить. Да и вообще, не буди лихо, пока оно тихо, – и он строго посмотрел сначала на Юлю, потом на Егора.

Егор, который, нахмурившись, слушал, что говорил Николай Иванович, бросил взгляд на Юлю, затем перевёл глаза на собеседника и спросил:

– Но почему на это болото все ходят, если так боятся его, зачем? Неужели все эти грибы и ягоды стоят того?

Николай Иванович задумался и какое-то время спустя удивлённо ответил:

– Да я и не знаю, почему. Всегда ходили, да и заболевших мало, а главное, всю жизнь так делали, главное, днём идти, не ночью. Но, – решительно потряс он головой, – больше не ходят. После того, как те люди там появились, никто туда и не ходил. И вы не ходите. Нечего вам там делать, сидите лучше дома.

Вежливо поблагодарив Николая Ивановича, Мангусты попрощались и отправились к дому, но уходя, услышали слова, выкрикнутые им вслед:

– И думать забудьте о болоте! Вы же молодые ребята, вот и занимайтесь, чем вам положено, а это оставьте в покое! Вам, что, заняться больше нечем? Не вашего ума это дело! – слышали они позади постепенно стихающий голос.

– Знаешь, мелкий, – говорила Юля, пока они возвращались домой, – очень похоже на то, что там обретается какая-то инфекция, проникающая через кровь. Что-то вроде тех паразитов, которые вынуждают своих хозяев действовать желательным для себя образом. Рыбы перестают бояться птиц и спокойно торчат на открытом месте, пока их не съедят. То есть у них исчезает даже страх смерти. Некоторые глисты, оказавшиеся в человеке, вынуждают того стремиться к воде, необходимой им для дальнейшего развития, бешеные животные теряют страх перед их смертельными врагами. В принципе, список можно продолжать дальше. Похоже, в этом болоте обитают какие-то паразиты, использующие человека как промежуточного хозяина. Они-то и заставляют жертв возвращаться обратно.

– Не знаю, Юль, – с сомнением покачал головой Егор, находящийся сейчас в очень мрачном состоянии духа, – если всё дело в инкубационном периоде, то почему между заражением и уходом на болото у кого-то времени проходит мало, а у кого-то не один год. Да и сроки первого проявления различаются.

Юля надолго задумалась.

– Есть ещё одна любопытная вещь – синхронизированность приступов у всех. Может быть, – взъерошив волосы, продолжила она, – тут как такового инкубационного периода нет, а есть некие циклы, связанные с чем-либо – фазами Солнца, Луны, например, или ещё чем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.